

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1, 2010

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Н. Таганов, д-р филол. наук
О. М. Карпова, д-р филол. наук
И. А. Хромова, канд. филол. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. В. Батова*, *О. В. Боронина*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*
обложка *Р. Е. Круглова*

ISBN 978-5-7807-0743-1

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Анцыферова О. Ю. Университетский роман: парадоксы жанровой номенклатуры 3
Николаева П. В. Стернианская традиция в повести Н. В. Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» 8

Языкознание

Денисов К. М. Компоненты просодической терминосистемы английского языка 14
Лаврентьева Н. Г. Акцентные модели специальной терминологии: норма и вариативность (На материале подязыка экономики) 25
Маник С. А. О некоторых особенностях микроструктуры переводного словаря общественно-политической лексики 30
Миловская Н. Д. Смеховой антимир эпохи социализма сквозь призму словесной игры в немецком языковом бытовом анекдоте 34
Таганова Т. А. Новейшие заимствования из русского языка как объект англоязычной лексикографии 39
Хуснутдинов А. А. Описание устойчивых выражений в «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота (Том I, А—Д, 1895) 44

Рецензии 55

Хроника 65

Аннотации 70

Summaries 73

Сведения об авторах 75

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 76

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 1, 2010

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. V. Karpova, Doctor of Philology

I. A. Khromova, Candidate of Science
(Philology)

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*

Editors *O. V. Batova*, *O. V. Boronina*

Technical Editor *I. S. Sibireva*

Computer layout *T. B. Zemskova*

Cover *R. E. Kruglov*

ISBN 978-5-7807-0743-1

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2010

CONTENTS

Study of Literature

Antsyferova O. Yu. Academic novel: paradoxes
of genre taxonomy 3

Nikolaeva P. V. Stern's tradition in Gogol's story
«Ivan Fyodorovich Shponka and his aunt» 8

Linguistics

Denisov K. M. The components of the prosodic
terminological system of the English lan-
guage 14

Lavrentyeva N. G. Accentual patterns of special
terminology: norm and variety (On the material
of the language of economics) 25

Manik S. A. On some peculiarities of microstruc-
ture of bilingual socio-political vocabulary dic-
tionary 30

Milowskaja N. D. Comic anti-world of the so-
cialism epoch through the prism of wordplay in
German language habitual anecdote 34

Taganova T. A. Contemporary Russian loan
words as an object of the English language lex-
icography 39

Khusnutdinov A. A. Description of set phrases in
«The Dictionary of the Russian Language» edited
by J. K. Groot (Vol. I, A—Д, 1895) 44

Reviews 55

Chronicle 65

Summaries 73

Information about the authors 75

*Information for the authors of "Ivanovo State
University Bulletin"* 76

ББК 83.3

О. Ю. Анцыферова

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ РОМАН: ПАРАДОКСЫ ЖАНРОВОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Для современной российской науки о литературе, ведущей активный диалог с западными литературоведческими школами, чрезвычайно актуальной представляется проблема несовпадения семантических полей русских и иноязычных литературоведческих терминов. Для отечественных литературоведов-зарубежников это становится источником серьезных сложностей в подборе адекватных русскоязычных соответствий терминам, появившимся в рамках научных парадигм, которые развивались в изоляции друг от друга и были сформированы разными идеологическими и социокультурными обстоятельствами. В литературоведческих дискурсах разных стран существуют свои собственные сложившиеся системы жанровых дефиниций, под которые вольно или невольно подгоняются новые литературные явления. Весьма показательной в этом плане представляется терминологическая чересполосица в жанровом определении романа «Nice Work» Дэвида Лоджа, который стал одним из излюбленных объектов изучения российских англистов во многом благодаря доступности оригинального текста и толковым комментариям к нему, написанным Карен Хьюитт и другими участниками англо-русского литературного проекта, финансируемого фондом «Оксфорд — Россия», о котором журнал «Вопросы литературы» писал в 2007 году [14].

Обращаясь к «Хорошей работе», отечественные ученые определяют ее жанровую природу по-разному. Екатеринбургская исследовательница современной британской литературы О. Г. Сидорова видит в книге Лоджа «ремни-нисценцию индустриальных романов» и находит в этом один из мощных источников комического [11, с. 225]. Нижегородская исследовательница О. Ю. Масляева обнаруживает жанровую основу произведения в комбинации (или симбиозе) индустриального и университетского романов [9, с. 15—16]. Московский литературный критик Л. Данилкин вводит свой термин: «Хотя в “Работе” <...> есть несколько университетских сцен, *кампусовым романом* ее не назовешь — уже хотя бы потому, что в тэтчеровской Британии середины 80-х никакого *кампусового романа* быть не может: университетская жизнь иссякает с урезанием госфинансирования» (курсив мой. — О. А.) [5]. Петер-

© Анцыферова О. Ю., 2010

бургский литературовед Г. В. Яковлева обнаруживает в «Хорошей работе» «своеобразное сочетание двух видов романа» — университетского и производственного [16, с. 269]. Елабужская исследовательница Ю. К. Казакова вслед за О. Ю. Масляевой настаивает на синтезе университетского и индустриального романов [6, с. 85]. Автор кандидатской диссертации, защищенной в Екатеринбурге, О. А. Толстых рассматривает «Хорошую работу» как современную версию индустриального романа [12, с. 16], находит в ней элементы рабочего романа [12, с. 17]. При этом отечественные ученые словно не отдают себе отчет, что пользуются жанровыми дефинициями, выработанными литературоведами разных стран и не имеющими точных эквивалентов в иноязычном научном дискурсе или обладающими взаимопересекающимися семантическими полями. Попробуем в этом разобраться.

Термин «*индустриальный роман*» (*industrial novel*) укоренен в английском литературоведении и отражает реалии истории английской литературы. Он ассоциируется с поджанром социального романа, где изображались тяжелые жизненные условия рабочего класса в период индустриальной революции в Великобритании XIX века [17]. В книге Лоджа можно обнаружить интертекстуальную перекличку с этим отошедшим в прошлое жанром, формы которой весьма хорошо изучены О. Г. Сидоровой (на уровне паратекстуальных элементов, сюжета, композиционных элементов).

Термин «*рабочий роман*» (*working class novel*) также локализован во времени и ассоциируется с литературной жизнью Англии 50—60-х годов XX века, когда приобрели известность такие «рабочие» романисты, как А. Силлитоу, С. Барстоу, С. Чаплин, Р. Уильямс и другие. Хотя О. А. Толстых и обнаруживает в книге Лоджа черты «рабочего романа», однако в чем состоит сходство, можно только догадываться. Не проясняет сути дела и добавленный к термину «рабочий роман» эпитет «викторианский», достаточно произвольно переносящий литературные реалии XX века в век XIX.

С другой стороны, термин «*производственный роман*», используемый Г. В. Яковлевой, существует только в русском литературоведении и является «отечественным продуктом». По выводам И. Анисимова, родоначальником жанра «производственного романа» можно считать француза Пьера Ампа (1876—1962), наследовавшего традиции французского натурализма и создавшего монументальный цикл романов, посвященных труду и производству, — «*La Peine des Hommes*» («Страда человеческая»). Цикл включает романы «Шампанское» (1910), где показан процесс производства вина, начиная со сбора винограда и кончая упаковкой бутылок выдержанного шампанского; «Свежая рыба» (1910), где отображена добыча и обработка рыбы; «Рельсы» (1912) — здесь подробнейшим образом проанализирована работа большой железнодорожной станции; «Лилльские ткачи» (1913) — с применением научно-статистического метода обследован быт текстильных рабочих; «Лен» (1921) — показаны все производственные процессы, связанные с обработкой льна, и т. д. Со своим творческим кредо — «трагедии станков напряженнее, чем трагедии спален» — Амп делает попытку создать искусство *индустриальной эпохи* [1]. Отметим, что термин «производственный» применительно к романам П. Ампа стал применять советский литературовед И. Анисимов. Во французском литературоведении такого термина нет. Он стал типичным порождением социокультурной ситуации периода становления первого социалистического государства.

Для молодого государства рабочих и крестьян роман о труде оказался очень востребованным и злободневным и быстро приобрел канонические черты. Об этом хорошо написал в поэме «За далью — даль» А. Твардовский:

Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед.
Она и он передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

В этой связи приходят на память «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Время, вперед!» В. Катаева, «Цемент» Ф. Гладкова, «День второй» И. Эренбурга, «Битва в пути» Г. Николаевой и т. д. Исследователи обращают внимание на то, что «специфика концептуализации труда в 1920—30-е годы состоит в размывании границ понятия “труд”, в распространении его на все области человеческой активности» [4]. То есть в отечественной литературоведческой парадигме было изначально заложено расширенное понимание терминов «труд», «производство», охватывающих производство не только материальных, но и духовных ценностей, а следовательно, и максимально широкое понимание термина «производственный роман».

У Ампя отсутствует «какая бы то ни было личная, психологическая тема и сюжет в традиционном смысле (динамика вещи обусловлена здесь течением производственного процесса, сменой его стадий, его внутренней логики) <...> Конструкция основана на совсем новых положениях — все это делает эти своеобразные романы явлениями нового жанра, тесно связанного с индустриальной эпохой» [1]. Современные критики, размышляющие о производственном романе, иначе говорят о жанрообразующей роли труда. Так, в основанном им интернет-проекте «Полит.ру» издатель Дм. Ицкович формулирует: «В производственном романе работа должна быть равна жизни». Можно понимать производственный роман как книгу, где описано, *как* делать, а можно как произведение, где описано, *почему* делают. Для критика и переводчика Б. Кузьминского «релевантным является самоопределение персонажа. Одно дело — по отношению к любви, к семье, к приятелям, а другое дело — когда по отношению к трудовой деятельности» [8].

В нашем литературоведении считается, что в американской литературе А. Хейли поднял жанр производственного романа на недостижимую высоту, увлекая читателя не в последнюю очередь безошибочным и исчерпывающим знанием предмета, о котором он пишет. Он оказал серьезное влияние на современную литературу, вызвав к жизни массу подражателей (Т. Клэнси, У. Гриффин) [7]. В англоязычной критике, естественно, жанровое определение «производственный роман» (как бы это могло звучать по-английски?) к наследию Хейли не применяется. Его книги описываются как *бестселлеры*, основанные на пристальном подготовительном изучении той сферы действия, с которой связан сюжет романа.

Вообще говоря, производственный роман как жанровая модификация традиционно воспринимается как разновидность массовой литературы, беллетристики. Причем трудно спорить с критиками, которые, подобно украинскому литературному обозревателю и журналисту К. Родиду, считают, что «бестселлером в истинном значении этого слова становится в мире прежде

всего *производственный роман*. Оглянемся вокруг: “Код да Винчи” Дэна Брауна — производственный филологический роман, Бегбедер — рекламистский, Гришем — адвокатско-судебно-прокурорский, Елинек — музыковедческий; даже Б. Акунин — это производственный роман о специфической имперской профессии “чиновник по особым поручениям” (дипломат-шпион). Конечно, точнее было бы назвать это жанром профессионального романа (сорок лет тому назад его сформатировал Артур Хейли), но соцреалистический термин «производственный» нам ближе и многое проясняет в современной украинской литературе» [10].

Отметим этот вновь предлагаемый термин — *профессиональный роман*. На первый взгляд, он кажется удачным, однако в антонимическую пару к нему явно напрашивается «дилетантский», и это лишает термин «профессиональный роман» необходимой для науки однозначности.

Термин «*университетский роман*», в последнее время получивший все более широкое распространение в отечественном литературоведении, по сути, относится к англо-американским литературным реалиям, где он, по наблюдению теоретика и практика жанра Д. Лоджа, подразделяется на «*campus novel*» и «*varsity novel*». Это подразделение не отражено в монолитном русском термине «университетский роман». (Ученый из Великого Новгорода Н. Г. Владимирова предлагает еще один уточняющий термин — «роман университетского городка» [3, с. 36], быть может, излишне громоздкий.) Если иметь в виду тот смысл, который вкладывает в термины Д. Лодж, связывающий возникновение традиции «*varsity novel*» с именами К. Эмиса и И. Во [18], то этот термин можно воспроизвести на русском языке как «университетский роман, написанный со студенческой точки зрения». Один из последних примеров — «Я Шарлота Симмонс» Тома Вулфа, который можно рассматривать не только как возрождение на новом витке жанра «*varsity novel*» («студенческой» разновидности университетской прозы), но и как *автокарикатуру на университетский роман образца рубежа XX—XXI веков*. Жанрообразующий конфликт героя и университетской среды здесь снижается (переносится из сферы культуры в сферу субкультуры). Стереотипность образов, присущая университетской прозе, доходит до своих пределов, порождая впечатление плакатности или *exempla* гневной проповеди. Столь важная для героя университетского романа проблема самоидентификации у Вулфа претерпевает любопытное преломление: девиз-самоутверждение «I am Charlotte Simmons», ставший заглавием книги, из заклинания, призванного не дать забыть о своей уникальности и моральном превосходстве над другими, трансформируется в конце романа в выражение конформизма и полной «социализации» героини.

Мне уже приходилось писать, что появление и окончательное оформление университетской прозы во второй половине XX века было вполне закономерно [2]. Как известно, одной из важнейших черт романа в XIX—XX веках стало пристальное внимание авторов к окружающей героев *микросреде*, влияние которой они испытывают и на которую так или иначе воздействуют [13, с. 345; 15, с. 93]. Эта сфокусированность на микросреде обусловила формирование таких жанровых разновидностей романа, иначе говоря — поджанров, как производственный, университетский, филологический, искусствоведческий и т. п. Очевидно, что специфика этих романских разновидностей и принцип их выделения основаны на типе той *микросреды* (преимущественно профессиональной), во взаимодействии с которой реализует себя

романный герой XX—XXI веков — времени нарастающей профессионализации как в сфере собственно литературного творчества, так и читательской аудитории; профессионализации, требующей освоения новых образовательных и информационных технологий во всех областях человеческой деятельности. В такой ситуации оказывается особенно востребована беллетристика, где проблемы существования человека в социуме исследуются с точки зрения его профессиональной принадлежности, которая в подобных произведениях выступает не просто центральной темой, но и предметом всестороннего анализа. Обращенность к профессиональному статусу героя становится главным источником сюжетной динамики и моделирует проблемно-тематический ландшафт. Даже такие, казалось бы, чисто эстетические составляющие художественной структуры, как хронотоп, система образов, конфликт, композиция и т. д., попадают в зависимость от рода профессиональной деятельности персонажей. В целом это свидетельствует о том, что профессиональный подход к литературе и искусству, вообще запечатление в них образа профессионала, коммодифицируется, т. е. переходит в разряд потребительских товаров, и оказывается востребованным на читательском рынке. Новому читателю — профессионалу в своей области — импонирует, когда ему раскрывают секреты других профессий, рассказывают о том, «как это сделано».

Итак, «Хорошая работа» Д. Лоджа — это университетский роман, написанный в эпоху постмодернизма, отразивший ее особенности и полемизирующий с ними. Интертекстуальная игра ведется автором с викторианским индустриальным романом, поэтому «Хорошую работу» можно считать и осовремененной, пародийной версией этого жанра, который иссяк еще в XIX веке. С точки зрения жанровой таксономии, принятой в отечественном литературоведении, «Хорошая работа» может быть определена как *производственный роман*, причем в двойном смысле: и как роман о производстве (действие значительной части повествования разворачивается на заводе), и как роман о производстве духовных ценностей в университете. При таком понимании определения «Хорошей работы» как университетского романа и как производственного романа, по сути дела, тавтологичны, ибо университетский роман в отечественной традиции, восходящей еще к 1930-м годам, рассматривается как разновидность производственного. Термин «рабочий роман» кажется нам не вполне корректным, «роман университетского городка» — избыточным, а «кампусовый» — эксплицитно чужеродным для русского языка. Замена «производственного романа» «профессиональным романом» не слишком удачна. Университетский роман можно с полным правом назвать *разновидностью производственного романа постиндустриальной эпохи*.

Библиографический список

1. Анисимов И. Пьер Амп. URL: <http://www.world-art.ru/people.php?id=24414> (дата обращения: 09.04.2010).
2. Анцыферова О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра // Вопр. лит. 2008. № 4. С. 264—296.
3. Владимирова Н. Г. Живописные средства в художественной прозе Д. Лоджа: Nice Work. A Novel (1988) // Материалы 36-й Междунар. филол. конф. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. Вып. 8 : История зарубежных литератур. С. 36—39.
4. Григорьева Н. Я. Концептуализация писательского труда в русской литературе 1920—30-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/92457.html> (дата обращения: 09.04.2010).

5. Данилкин Л. «Хорошая работа». Дэвид Лодж. 2004. Рец. «Афиши». URL: <http://www.afisha.ru/book/658/> (дата обращения: 09.04.2010).
6. Казакова Ю. К. Проблематика университетских романов Дэвида Лоджа // Филол. вестн. Сер. : Литературоведение. Елабуга, 2005. С. 82—87.
7. Карамеев С. Изнанка производства как рецепт успеха. URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/hailey/> (дата обращения: 09.04.2010).
8. Литературные трудни. Полит.ру. Аналитика. URL: <http://polit.ru/culture/2006/03/21/trud.html> (дата обращения: 09.04.2010).
9. Масляева О. Ю. Поэтика трилогии Дэвида Лоджа : (романы «Академический обмен», «Мир тесен», «Прекрасная работа») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2002. 20 с.
10. Родик К. Как казаки во Франкфурт собирались. 24.10.2005. URL: http://www.zakharov.ru/component/option,com_books/task,show_recenzypage/Itemid,56/rid,304/ (дата обращения: 09.04.2010).
11. Сидорова О. Г. Комическое в романе Дэвида Лоджа «Хорошая работа» // Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах : межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1999. С. 225—231.
12. Толстых О. А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог : (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
13. Хализев В. Е. Теория литературы. Изд. 4-е. М. : Высш. шк., 2005. 405 с.
14. Хьюитт К. Современный английский роман в контексте культуры. Комментарий как форма преподавания // Вопр. лит. 2007. № 5. С. 46—72.
15. Эсалнек А. Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения. М. : Изд-во МГУ, 1985. 184 с.
16. Яковлева Г. В. Роман Дэвида Лоджа «Хорошая работа» и проблемы интертекстуальности // Художественный текст: структура и поэтика : межвуз. сб. / под ред. И. П. Куприяновой. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. Вып. 6. С. 269—277.
17. Industrial Novel. Texts and Documents Research Guide. URL: <http://www.123exp-Read.com/t/00281420439/> (дата обращения: 09.04.2010).
18. Lodge D. Exiles in a Small World // The Guardian. 2004. May, 8. URL: <http://books.guardian.co.uk/review/story/0,12084,1211200,00.html> (дата обращения: 09.04.2010).

ББК 83.01 (41 Вл)

П. В. Николаева

СТЕРНИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА»

Влияние английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768) на русскую литературу второй половины XVIII — первой трети XIX века трудно недооценить. Оно проявлялось в разных формах. Е. Е. Дмитриева пишет: «...в России (впрочем, так же, как и в Европе) было не только два основных этапа восприятия Стерна, но и существовало два разных писателя Стерна. Один из них почитался как сентименталист (соответственно “русским Стерном” был провозглашен Н. М. Карамзин) <...> другой — как основоположник романтизма. И здесь титул “русского Стерна” поделили между собой Вельтман и Гоголь» [4, с. 20].

© Николаева П. В., 2010

• Серия «Гуманитарные науки»

Сближение Гоголя и Стерна объясняется разными факторами. Прежде всего, есть основания говорить о воздействии английского писателя на русского. Хотя в письмах и критических статьях Гоголь ни разу не называет имени Стерна, скорее всего, он был знаком с его творчеством. Так, известно, что роман «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» был в библиотеке Д. П. Трошинского, дальнего родственника и покровителя Гоголей-Яновских.

Кроме того, нельзя не учитывать, что открытия Стерна широко использовались в современной Гоголю литературе, существовали даже многочисленные подражания (например, «Жизнь и мнения нового Тристрама» Я. Санглена, «Новый чувствительный путешественник» Д. Шаликова). Русская литература активно осваивала поэтику Стерна, заимствовала у английского писателя отдельные приемы. Процесс этот был настолько очевидным, что в 1834 году в повести «Княжна Мими», помещая предисловие в третьей главе, В. Ф. Одоевский писал: «С некоторого времени вошел в употребление и уже успел обветшать обычай писать предисловие посредине книги...» [6, с. 271].

Разумеется, стернианские тенденции в литературе того времени не могли укрыться от внимания Гоголя, тем более что он выступал в печати и как литературный критик. Таким образом, воздействие Стерна на Гоголя было как прямым, так и опосредованным.

Однако у темы «Стерн и Гоголь» есть еще один аспект. Нельзя не отметить определенную близость мироощущения писателей. Оба они отличались внезапностью перехода от грусти и тоски к веселью и шуткам, умением увидеть в трагическом комическое и наоборот. На это указывал А. Н. Веселовский. Он считал, что смех Гоголя похож на смех Стерна, который «печальнее слез»: «Стерн после непринужденной веселости вдруг отдается печальным мыслям при виде оборванного нищего, выючного осла, павшего от непосильной работы, птички, бьющейся в клетке, как узник в темнице... Но имеет светлый взгляд на жизнь и на людей» [1, с. 40].

Среди наиболее близких к Стерну произведений Гоголя чаще всего называют повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и «Нос», а также «Мертвые души».

В настоящей статье мы предлагаем остановиться на повести о Шпоньке. Как правило, исследователи ограничиваются указанием на то, что следы влияния Стерна несет композиция произведения. «Принципиально важной для Гоголя оказывается здесь ориентация на стернианский тип повествования. Скрытая ирония автора и обрыв текста на том месте, где только и должно было начаться действие, воскрешали в сознании читателей того времени роман Л. Стерна “Жизнь и мнения Тристрама Шенди”...» (цит. по: [3, с. 834]). Расширим сопоставительный контекст.

Композиционное и повествовательное своеобразие «Шпоньки», отмеченное воздействием стернианской традиции, особенно заметно на фоне других повестей, входящих в «Вечера на хуторе близ Диканьки». Если другие произведения цикла представляли собой динамический рассказ о необыкновенных событиях в жизни героев (полет в Петербург на черте за черевичками для капризной красавицы, игра в карты с нечистой силой на шапку с царской грамотой), то здесь мы видим попытку рассказчика поведать *историю* жизни героя. Мы последовательно узнаем об ученических годах Ивана Федоровича, о его службе в П*** пехотном полку, о возвращении домой, о знакомстве с соседом Сторченко и его сестрицами, о решении тетушки Василисы Кашпо-

ровны женить Шпоньку на одной из них. И вот, когда «в голове тетушки созрел совершенно новый замысел» — судя по всему, он-то и должен был представлять завязку «истории» и главный ее интерес, текст обрывается, оставляя читателя в недоумении.

Здесь и оказываются уместны параллели с «Тристрамом Шенди». Как и у Стерна, попытка создать жизнеописание героя ни к чему не приводит. Хотя в повести Гоголя есть иллюзия повествования о жизни Шпоньки, мы, по большому счету, ничего о нем не узнаем. Не узнаем по той простой причине, что узнавать нечего. Иван Федорович не совершает почти никаких поступков; не случайно описание всех его действий начинается с «не». Шпонька-ученик «никогда не привешивал сидевшему впереди его товарищу на спину бумажек, не резал скамьи и не играл до прихода учителя в *тесной бабы*» [3, с. 221]; Шпонька-военный «не пил выморозок <...> не танцевал мазурки и не играл в банк» [3, с. 221]; Шпонька-путешественник «не допускал к себе скуки» — и читатель ожидает рассказа о самых интересных занятиях, но узнает, что «развязывал он чемодан, вынимал белье, рассматривал его хорошенько, так ли вымыто, так ли сложено, снимал осторожно пушок с нового мундира, сшитого уже без погончиков, и снова все это укладывал наилучшим образом» [3, с. 223]. Шпонька-хозяин тоже таит в себе некоторую неполноценность: «Сама тетушка заметила, что он будет хорошим хозяином, хотя, впрочем, не во все еще отрасли хозяйства позволяла ему вмешиваться» [3, с. 228]. Столь же мало благополучен Иван Федорович и в роли галантного кавалера: сколько ни пытался он развлечь разговором белокурую барышню, «ни одна мысль не приходила на ум»; он «никаким образом уже не находил речи» [3, с. 237, 238].

Следовательно, жизнеописание, «история» не может состояться уже в силу того, что герой повести интересен только одним — что он «живет» (первая же фраза повести звучит так: «Уже четыре года, как Иван Федорович Шпонька в отставке и живет в хуторе своем Вытребеньках»; 3, с. 220). В общем-то, на этом можно было и остановиться.

Инфантильность героя в конце произведения вполне соответствует детскому состоянию Тристрама. Конечно, Шпонька не пятилетний ребенок, ему идет уже «тридцать осьмой год». Но его неспособность принимать решения и неопытность в житейских делах таковы, что он то и дело дает повод Василисе Кашпоровне с удовлетворением произнести: «...куды ж! ще зовсим молода дытына, ничего не знает!» [3, с. 238]. Таким образом, и в том, и в другом произведении мы видим только начало жизненного пути героев, только завязку действия. Автор играет с ожиданиями читателя. Вполне возможно, что прием не выполненного автором обещания (в данном случае — обещания рассказать в следующей главе о дальнейших событиях) Гоголь заимствовал у Стерна.

Необходимо обратить внимание на причину, по которой повесть Гоголя не имеет окончания. Предваряя неоконченный текст, пасичник Рудый Панько поясняет, что «с этой историей случилась история» [3, с. 219]. История о Шпоньке была рассказана Степаном Ивановичем Курочкой и по просьбе Рудого Панька записана в тетрадь. Вот что случилось потом: «Старуха моя, с которой живу уже лет тридцать вместе, грамоте сроду не училась; нечего и греха таить. Вот замечаю я, что она пирожки печет на какой-то бумаге. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печет; лучших пирожков вы нигде не будете есть. Посмотрел как-то на сподку пирожка — смотрю: писанные слова. Как будто сердце у меня знало, прихожу к столику — тетрадки и половины нет! Остальные листки все растаскала на пироги» [3,

с. 219]. Попытка восстановить пропавший текст ни к чему не привела: во время поездки в Гадяч Рудый Панько хотел навестить Степана Ивановича и попросить рассказать историю Шпоньки еще раз. Но... подвела память. «Нечего делать, пришлось печатать без конца» [3, с. 219].

Аналогичную ситуацию встречаем в «Тристраме Шенди». Путешествуя по Франции, Тристрам забыл свои путевые заметки в проданной им карете. Вернувшись к каретнику, он застаёт его жену за туалетом. Дама, нимало не смущаясь присутствием Тристрама, снимает с головы папилютки, и он сразу узнаёт на одной из скрученных бумажек свой почерк.

И Тристрам, и Рудый Панько повествуют о случившемся с иронией. Рассказ о невосполнимой утрате в обоих случаях завершается возгласом, полным комической обреченности: «Что делать! Когда я их издам, — сказал я, — — им зададут перекрутку похуже» (Тристрам; 7, с. 443); «Что прикажешь делать? на старости лет не подрасть же!» (Рудый Панько; 3, с. 219).

Интересно также и то, что сложившиеся условия Гоголь использует как возможность привлечь читателя к творчеству, к созданию текста (а это излюбленный прием Стерна: вспомним хотя бы предложение самостоятельно нарисовать портрет вдовы Водмен или написать на специально оставленном месте свое любимое ругательство). Тем, кому интересно окончание истории Шпоньки, Рудый Панько советует съездить в Гадяч, где живет Степан Иванович Курочка, и расспросить его обо всем.

Как видим, игровая природа текста сближает двух писателей. Именно игра с читателем, а также рефлексия по поводу создаваемого произведения более всего занимает и Стерна, и Гоголя. История жизни героя отходит на периферию.

Присутствие Стерна в повести о Шпоньке ощутимо не только на уровне повествования и композиции, но и в «приемах рисовки поз и движений, в общей манере художественного созерцания» [2, с. 254]. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, как Стерн и Гоголь подают проблему отсутствия понимания между людьми.

Исследователи творчества Стерна неоднократно писали о нарушении коммуникации в его произведениях. Так, по мнению А. А. Елистратовой, «родной язык, общепринятые понятия и представления в мире, изображаемом Стерном, не соединяют, а разъединяют, разделяют людей. Комические недоразумения, проистекающие оттого, что собеседники, думая, что понимают друг друга, говорят о совершенно различных вещах, — принадлежат к числу излюбленных ситуаций Стерна» [5, с. 339]. Подобные моменты часто связаны с темой «конька», то есть главного увлечения человека, его страсти. Как отмечает В. А. Харитонов, «герои говорят на разных языках, гарцуя каждый на своем “коньке”, и вносят путаницу в общение. Но ведь есть общий для всех язык сердца, есть сентиментальные порывы, часто идущие вразрез с “коньком”» [8, с. 28].

Действительно, в «Тристраме Шенди» персонажи часто не слышат друг друга, говоря как будто об одном и том же, но каждый о своем, близком и дорогом сердцу предмете. Причина этого, на наш взгляд, не только в разобщенности между людьми, но и в самом языке. Не случайно Стерн постоянно обнажает многозначность, которая затрудняет понимание; да и вообще складывается впечатление, что слова слишком грубы для передачи всей полноты чувства. Язык жестов в «Тристраме Шенди» является гораздо более действенным средством коммуникации.

Если обратиться к повести о Шпоньке, то мы обнаружим немало случаев, когда непонимание возникает вследствие индивидуальных реакций на происходящее, подсказанных тем, что персонажи видят окружающий мир, исходя из своих весьма своеобразных увлечений и привычек; следствие этого — их многочисленные коммуникативные неудачи. У каждого из персонажей (кроме самого Ивана Федоровича) есть то, что в «Мертвых душах» названо «задором» («У всякого есть свой задор...»). Чем-то эти «задоры» напоминают стерновских «коньков», во всяком случае, они могут соревноваться друг с другом в причудливости. И у Гоголя, и у Стерна данный прием выступает средством индивидуализации образа и в то же время причиной непонимания между героями.

Василиса Кашпоровна озабочена устройством судьбы племянника; кроме того, у нее очень своеобразные критерии оценки женской красоты: «Не мешает заметить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины в бровях» [3, с. 235]. Услышав от племянника, что Марья Григорьевна, поправившаяся Шпоньке, «весьма красивая барышня», Василиса Кашпоровна в первую очередь осведомляется о ее бровях.

« — Брови, тетушка, совершенно-с такие, какие, вы рассказывали, в молодости были у вас. И по всему лицу небольшие веснушки.

— А! — сказала тетушка, будучи довольна замечанием Иван Федоровича, который однако ж не имел и в мыслях сказать этим комплимент» [3, с. 235].

Едва ли Шпонька в состоянии отличить одни брови от других; тетушке он отвечает просто по инерции. Но она, будучи высокого мнения о своей несколько мужеподобной красоте, принимает сказанное племянником за комплимент. Более того, комплимент, направленный как в ее сторону, так и в сторону Марьи Григорьевны. Поэтому для нее фраза Шпоньки является свидетельством его симпатии к новой знакомой. И вот уже она делает роковой для Шпоньки вывод: «...так Богу угодно! Может быть, тебе с нею на роду написано жить парочкою» [3, с. 235].

Подобных случаев в повести множество, и складывается впечатление, будто персонажи говорят на разных языках. Каждый из них слышит только себя. Отсутствие контакта подчеркивается всеми возможными способами. Шпоньке, который «вообще не был щедр на слова» [3, с. 226], противопоставлены многословная тетушка Василиса Кашпоровна, громогласный сосед Сторченко и его словоохотливая матушка, Иван Иванович, любящий «позаниматься услаждающим душу разговором» [3, с. 234]. Их объединяет то, что они менее всего расположены слушать и слышать собеседника. Эта особенность персонажей всячески акцентируется в тексте. К нарушению контакта приводят следующие моменты: часто упоминаемый обычай Сторченко затыкать на ночь уши клочком пеньки, его попытка притвориться глухим, когда Шпонька заводит разговор о дарственной записи; воротник Ивана Ивановича в виде брички, в которую он прячется, когда нужно сделать вид, что не слышишь; привычка тетушки прерывать Ивана Федоровича и пресекать наметавшиеся возражения.

Демонстративный отказ от продолжения общения встречается и у Стерна. Ярким примером служит привычка дяди Тоби насвистывать припев из песенки Лиллибуллиро: «На это дядя Тоби, махнув рукой на всякие иные аргументы, насвистывал только полдюжины тактов Лиллибуллиро. — — Надо вам сказать, что это был обычный канал, через который испарялось его возбуждение, когда что-нибудь возмущало или поражало его, — в осо-

бенности же, когда высказывалось суждение, которое он считал верхом нелепости» [7, с. 79].

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что стернианская традиция ощутима в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» на разных уровнях. Намеренная незавершенность повести, игра автора с читателем, интерес к проблеме общения и взаимопонимания людей — все это напоминает о Стерне. Вместе с тем, нет сомнений, что данные особенности наполняются в художественном мире Гоголя новым содержанием и обретают новые смыслы. Очевидно, восприятие Гоголем поэтики Стерна было плодотворным и весьма оригинальным.

Библиографический список

1. *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. М., 1906. 249 с.
2. *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы. М. : Наука, 1976. 512 с.
3. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 23 т. М. : Наука, 2003. Т. 1. 918 с.
4. *Дмитриева Е. Е.* Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 3. С. 18—27.
5. *Елистратова А. А.* Английский роман эпохи Просвещения. М. : Наука, 1966. 472 с.
6. Русская романтическая повесть (первая треть XIX века). М. : Изд-во МГУ, 1983. 480 с.
7. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена ; Сентиментальное путешествие по Франции и Италии / пер. А. Франковского. М. : Худож. лит., 1968. 687 с.
8. *Харитонов В. А.* Лоренс Стерн. Его современники и подражатели // Вестн. МГУ. Сер. : Филология. 1970. № 1. С. 23—32.

КОМПОНЕНТЫ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Интонация представляет собой единство суперсегментных (просодических) характеристик речи, которые служат для передачи логического, коммуникативного и эмоционального значений. **Просодическими** характеристиками речи являются мелодический *уровень*, *громкость* и *скорость* (или *темп* речи, оборотной стороной которого служит *длительность* строевых сегментов — слогов). Эти характеристики формируют речевой *ритм* и в сочетании с беззвучными отрезками, *паузами*, служат для членения и организации речевого потока, который окрашен произвольными изменениями *тембра*.

Речевая мелодика, или *уровень* голосового тона, несомненно, играет главенствующую роль. Д. Кристал связывает мелодику с *фразовым ударением*, или *акцентом* [6, р. 120].

Ритм представляет собой регулярное чередование ударных и безударных слогов. Единицами ритмической структуры высказывания являются ритмогруппы. Восприятие границ между ритмическими группами напрямую связано с наличием в них ударных слогов, или динамических вершин. Безударные слоги склонны присоединяться к предшествующим ударным слогам — *энклитикам* — или к последующим ударным слогам — *проклитикам*. Каждая *смысловая группа* предложения произносится за приблизительно одинаковое время, при этом неударные слоги проговариваются быстрее: чем больше количество безударных слогов в группе, тем быстрее она произносится. Проклитики звучат быстрее энклитиков.

Ритм тесно увязан с фразовым ударением. Под воздействием речевого ритма слова с двойным ударением могут терять одно из них [2, с. 203], меняя собственную акцентную структуру, как например: "Picca"dilly — "Piccadilly "Circus — "close to Picca"dilly.

Паузировка (интонационный перерыв) влияет на общий *темп* речи. Более медленный темп свидетельствует о весомости высказывания. Паузы обычно делятся на заполненные (вокализованные) и незаполненные (немые). Невокализованные паузы подразделяются на основании собственной релятивной длительности. Их длина оценивается относительно темпа и ритмических норм конкретного говорящего. Исключение составляют паузы в конце высказывания, длина которых регулируется собеседником. Паузы не только членят речевой поток, «нарезая» устные смысловые единства, но также фор-

мируют специфические взаимоотношения между этими отрезками, играя существенную семантико-синтаксическую роль:

There was no love lost between them (= они любили друг друга);

*There was no love | lost between them (= они не любили друг друга).

Эмоции и модальность иногда передаются посредством **вокализованных пауз**, которые обычно сигнализируют о *сомнении, нерешительности и эмоциональной напряженности*. Паузы в целом могут нести *предсказывающую* нагрузку, предваряя произнесение семантически наиболее важного слова или словосочетания.

Тембр (качество голоса) представляет собой специфическую окраску голоса говорящего, произвольно и непроизвольно он служит инструментом выражения различных эмоций и отношений. Речевой тембр является категорией более масштабной, чем просто индивидуальная окраска голоса (голосовой «паспорт» говорящего). Он выступает как качественный маркер различных оттенков смысла в семантике устного дискурса.

Л. Р. Зиндер, несклонный дробить функциональное поле интонации на слишком мелкие составляющие, выделяет два основных интонационных аспекта [1, с. 268]: один может быть назван **коммуникативным**, в этом случае просодическими средствами обозначаются финальность/нефинальность высказывания и его коммуникативный тип; другой — **эмоциональным**, демонстрирующим то, что интонация всегда содержит определенную эмоцию как **состояние коммуниканта** в момент говорения и как его/ее **намерение** определенным образом повлиять на собеседника. Эмоциональный аспект иногда бывает автономен относительно предметно-логического содержания высказывания, тем не менее он находится в теснейшей связи с его **модальностью** (коннотативным аспектом).

Г. М. Вишневская, с другой стороны, упоминает целый ряд функций, предписываемых интонации отечественными лингвистами. Среди них основными являются: **синтаксическая, стилистическая, делимитативная, логическая, модальная, эмоциональная, экспрессивная, конститутивная, рекогнитивная, дистинктивная, фатическая, прагматическая, эстетическая, семантическая, коммуникативная, функция отношения**. Иностранные интонологи, по ее данным, различают **экспликативную, коммуникативную, апеллятивную, экспрессивную, референциональную, эмоциональную, интеллектуальную, грамматическую** функции и **функцию отношения** [13, р. 59—63].

Джон Уэллс в одной из своих монографий утверждает, что английский язык отличается от других более детализированным использованием интонации при передаче различных коммуникативных смыслов [14, р. 11]. Он предлагает собственный, весьма, на наш взгляд, оптимальный и последовательный перечень интонационных функций, включающий:

— **функцию отношения**. Наиболее явно интонация проявляет себя в передаче наших отношений и эмоций — шока и удивления, удовольствия и гнева, интереса и скуки, серьезности и сарказма и многих других. Говорящие используют для этого **мелодику и тембр**;

— **грамматическую** функцию. Интонация помогает идентифицировать грамматические структуры в речи, точно так же как пунктуация делает это на письме. Мы используем интонацию для обозначения начала и завершения грамматических единиц, таких как фраза, сверхфразовое единство и т. п. (**демаркационная** функция). Данная функция осуществляется с помощью про-

содических инструментов *тонораздела*. Мы также используем интонацию для различения типов предложений и уточнения коммуникативно-прагматического статуса двусмысленных и неявных структур (*синтаксическая* функция);

— *фокусирующую* функцию (также называемую *акцентуационной* или *информационной*). Интонация является надежным средством разделения информационной картины высказывания на новое и данное. Мы применяем ее просодический арсенал для привлечения внимания собеседников к необходимым и важным участкам нашего устного послания и для выведения остальных его частей из зоны информационного фокуса, а также для эмфатизации и толкования значимости оттеняемых зон. Подобные манипуляции мы производим с помощью системы *тонакцента*. Это — наиболее важная из функций интонации при обучении английскому языку как иностранному. Мы используем акцентуацию в сочетании с тональным компонентом просодики для выдвижения информативных отрезков на передний план рисуемой нами информационной картины, одновременно отодвигая на задний ее план все остальное. При этом интонация выполняет ряд *прагматических* функций;

— *дискурсивную* функцию, или функцию осуществления *когезии*. Интонация обеспечивает слитность речевого потока высказываний и одновременно способствует их идентификации через противопоставление. Она выступает в качестве универсального и уникального средства разделения звучащего текста на смысловые кластеры, подобно тому как пространственно-графические средства делят письменный его аналог на предложения и параграфы. Она позволяет коммуникантам почувствовать либо взаимную необходимость завершения речевого отрезка, либо согласованное желание продолжать общение, либо готовность передать слово собеседнику;

— *психологическую* функцию. Интонация способствует организации речевого потока таким образом, чтобы речевые единицы были удобны для восприятия, запоминания и воспроизведения. Это подобно парадигме запоминания чисел: мы легко можем запомнить случайную комбинацию из трех, четырех или пяти цифр, но не цепочку, например, из десяти цифр, до тех пор пока не поделим ее на две по пять. Эту функцию исполняет интонационная система *тонораздела*;

— *указательную* функцию. Наряду с названными произносительными характеристиками интонация может проявлять себя как маркер социальной и индивидуальной идентичности. Почему *адвокаты* звучат как *адвокаты*, *церковники* как *церковники*, *шоумены* как *шоумены*, *политики* как *политики*, а *домохозяйки* как *домохозяйки*? Интонационные стереотипы характеризуют их не менее рельефно, чем внешний вид.

До некоторой степени просодические свойства одинаковы во всех языках. Универсализм присущ многим речевым проявлениям. Так, возможно, во всех человеческих сообществах говорящие увеличивают темп речи, когда переживают активные эмоции или нетерпение, и замедляют скорость речи, произнося важные вещи или размышляя о чем-либо.

Тем не менее специфических различий гораздо больше, и когда они не учитываются при активации тонких оттенков смысла, это приводит к взаимному непониманию [12, р. 9]. Носители языка во многих ситуациях используют интонационные конструкции, смысл которых иностранцы не способны расшифровать с первой попытки.

Ударение реализуется как комбинация *громкости, тонального уровня* и *длительности* вокальной вершины слога. В английском языке существуют немногочисленные минимальные пары слов, различающиеся по смыслу исключительно за счет ударения, к примеру *'billow — be'low* или *'export — ex'port*.

Тон осуществляется в основном за счет абсолютных и относительных изменений голосового уровня. Носителями тонального уровня речи выступают нулевые, или базовые, частотные форманты гласных и полугласных (сонорных) сегментов. Высокий тон является результатом высокочастотных колебаний голосовых складок в гортани, а низкий тон соответственно вызывается относительно низким уровнем их вибрации. Любое ускорение темпа колебаний или частоты воспринимается как повышение тона, замедление — как тональное падение. Это — свойство динамических тонов, как сложных (разнонаправленных), так и простых (однаправленных). Ровный тон — результат проявления условно фиксированной частоты колебаний голосовых складок.

Английскому языку свойствен синтаксический характер использования основного тона, а не лексический, как это имеет место, к примеру, в шведском и во многих азиатских языках. Тональная система английского языка, таким образом, составляет языковую сердцевину и наиболее сложную часть английской просодии. При помощи сочетаний **тональных уровней** (= статичных тонов) и **контуров** (= динамичных проявлений основного тона) отображается огромный спектр **интонационных значений**. Мы организуем речевой поток и членим его на смысловые части, оформляем коммуникативно-прагматические типы высказываний, фокусируем внимание собеседников на информационно важных участках (тема-рематическое противопоставление), передаем наше отношение к коммуникативной информации и выражаем эмоции.

Некоторая, хотя и очень небольшая часть интонационного значения передается на письме через пунктуационные знаки. По этой причине устная речь носителей языка информационно гораздо богаче письменной речи. По этой причине многие иностранцы, изучающие английский язык, не будучи настроены на восприятие смыслов в звучащем эфире, не способны уловить львиной доли содержания в устных посланиях со стороны носителей языка. По этой же причине нас обижает или радует не словесное наполнение обращенной к нам фразы, а манера ее произнесения [7, p. 33]. Извиняясь за грубый тон, англичане часто говорят: «I didn't really mean what I said».

Те же самые слова в идентичных грамматических конструкциях могут оказывать различные прагматические эффекты, если произносятся в различных комбинациях тона, громкости, темпа и тембра. Языки различаются **интонационными конструкциями (интонемами)**, которые используются в речи их носителей, а также степенью смысловой нагруженности этих конструкций. Более того, современные тенденции использования тонов порой не укладываются в традиционные рамки устоявшейся интонационной системы [11].

Важно заметить, что одинаковые по звучанию просодические конструкции могут иметь диаметрально противоположные значения и иную импликацию в разных языках. К примеру, акцентированное произнесение личных местоимений во многих языках является немаркированным, тогда как в английском оно предполагает противопоставление референта другому лицу или лицам. Поэтому следует предположить более высокую вероятность иноязычного акцента, как результата межсистемной интерференции, в суперсегментной сфере речи, нежели в ее сегментной составляющей.

Ниже приведены значения основных английских тонов по Дж. Уэллсу [14, p. 91].

Fall	definitive (includes exclamatory)	statement exclamation wh questions reply command interjection
	insistent	yes — no question (includes tag question and elliptical one) adverbial
Non-fall (= fall-rise or rise)	reinforcing	adverbial
	dependent (includes open)	clause or smaller element
fall-rise	limiting	adverbial
	implicational (includes contrastive, reservation, tentative, polite correction, partial statement, negative, warning)	statement command
Rise	encouraging (includes soothing)	statement wh question command
	non-supportive (includes truculent, perfunctory)	statement
	yes-no (includes pardon question, uptalk)	yes-no question, tag question indep ellip. question decl. question statement pardon question interjection

При использовании интонационных конструкций носитель языка постоянно сталкивается с тремя операциями: членением речевого материала на отрезки, расстановкой акцентов и выбором тонов. Эти интонационные подсистемы именуется как тонораздел, тонакцент и тон [15, с. 7].

Тонораздел. Каждая **интонационная фраза** (ИФ), получаемая в результате тонораздела высказывания, несет определенную смысловую нагрузку. Инициальным элементом является, как правило, **тема**; оставшаяся часть представляет собой **рему**. Первый элемент чаще всего — это грамматическое подлежащее, чей **тематический статус** можно подчеркнуть посредством выделения в самостоятельную ИФ:

'As for Jeremy, he 'can do what he likes.

Можно также наделять тематическим статусом другие элементы высказывания, к примеру дополнение, за произнесением которого следует пауза:

On the 'question of guilt, we must sus'pend judgment.

В **разделенных предложениях** (2) посредством *it is* (или *it was*, etc.) вперед выносятся некая составляющая, которая должна включать акцентиро-

ванную рему (главный информационный фокус высказывания). Если за первым следует второй фокус, он вводится отдельной ИФ после паузы (3):

- Who did you choose? — (1) I chose Ve\underline{ronica};
 (2) It was Ve\underline{ronica} that I chose;
 (3) It was Ve\underline{ronica} that \underline{I} chose.

Версия (3) появляется в том случае, когда говорящий подчеркивает контраст между собственным выбором и выбором, предпочтительным для другого лица.

В *псевдоразделенных предложениях* в качестве инициального компонента употребляют относительное местоимение *what*. В этом случае пауза также оформляет интонационный раздел высказывания на две смысловые части:

'What she is \underline{looking} for is a \underline{ruler}.

Тонакцент. Интонация используется в целях выделения *важных* слов, на которых *фокусируется* внимание слушающих. Для этого говорящие *акцентируют* важные слова, точнее их ударные слоги. Таким образом, к ритмической выделенности ударных слогов добавляется их *уровневая проминантность*, а фразовые акценты являются «крючками», на которых крепится весь интонационный контур.

В английском языке расположение *ядерных тонов* напрямую зависит от локализации темы и ремы. По общему правилу акцентируется новая информация, и ядро тем самым притягивает рему. Одновременно *деакцентируется* тема. Если вся информация в высказывании новая, тогда все лексические единицы находятся под ударением, а ядерный тон падает на последнее слово: A. Yes madam? — B. I'd 'like a 'gin and \underline{tonic}. Однако, англичане склонны опускать акценты между первым и последним ударными словами: A. Yes madam? — B. I'd 'like a gin and \underline{tonic}. Тем не менее если последнее слово содержит старую информацию, то оно деакцентируется, а ядро перемещается на слово, содержащее новую информацию: A. How about a gin and tonic? — B. Oh, I'd pre'fer a \underline{vodka} and tonic.

Англичане обычно избегают расположения ядра на лексическом элементе, который повторяет сказанное ранее:

- D'you object to dogs? — No, I a\underline{dore} dogs;
 Who doesn't want to dance? — \underline{Bill} doesn't want to dance.

Было бы странно услышать:

- D'you object to dogs? — (?) No, I a'dore \underline{dogs};
 Who doesn't want to dance? — (?) 'Bill doesn't want to \underline{dance}.

Деакцентируются даже те *повторяемые* элементы, которые содержат новую информацию:

- a 'green chair and a \underline{blue} chair;
 'Suzan Willis and \underline{Wane} Willis;
 '72\underline{52} (= 'seven two \underline{five} two).

Если финальные элементы не предсказываются контекстом, интонация делает их таковыми посредством ядерного тонакцента:

- a 'green chair and a blue \underline{sofa};
 'Suzan Willis and Wane \underline{Prim};
 '725\underline{6} (= 'seven two five \underline{six}).

Старая информация может передаваться посредством *синонимов*, при снятии акцента с последних:

Shall we wash the clothes? — Oh I \hate doing the laundry;
Shall we walk there? — Yes, I \like going on foot.

Если слово выступает как *гипероним* ранее использованного слова, оно считается данным, и ядерный тон не падает на него. Не стоит произносить:

(?) ma\laria and 'other tropical \ailments,

но следует интонировать так:

ma\laria and \o\ther tropical ailments,

поскольку идея тропической болезни уже присутствует в слове *малярия*.

Однако, если слово выступает как *гипоним* ранее упомянутого слова, оно считается новым и привлекает ядерный тонакцент:

Do you 'like \ball games? — Well, I'm 'quite fond of \soccer.

Здесь *соккер* (классический футбол) — одна из игр с мячом. Упомянув соккер, собеседник конкретизирует понятие: это именно он, а не баскетбол или регби.

Деакцентуации подвергаются не только те слова, которые повторяются, но и те, которые говорящий собирается повторить. Сравним образец (*) с немаркированным предшествующим образцом:

a 'red \triangle and a 'blue \square;
(*) a \red triangle and a \blue triangle.

В образце (*) слово *треугольник* неударно в обоих случаях: во втором — поскольку оно повторено, а в первом — поскольку его только собираются повторить.

Ударение и тонакцент зависят от *ментального планирования* высказывания:

A. I'd like to speak to the manager. — B. (1) He's 'much too \busy;
(2) He's \much too busy.

Ответ (1) несет нейтральный тонакцент, а фраза *слишком занят* интерпретируется как рема. В ответе (2) говорящий убеждает слушающего принять факт того, что управляющий слишком занят, как данное; подчеркивается лишь исключительная степень его занятости. Усилители в подобных этому случаях притягивают ядро фразы.

Следующий способ исследования лингвистической функции тонакцента включает понятие *фокуса*. Та часть ИФ, которая помещается в фокус, носит название *сферы* фокуса. Ядро очерчивает предел сферы фокуса.

Максимально *широкий фокус* означает, что в сферу фокуса включена вся ИФ, а нейтральный тонакцент располагается на последнем лексическом элементе фразы, как в следующей реплике:

'What's going \on here? — 'Robert had a \heart attack.

В случае *узкого фокуса* только часть ИФ находится в центре внимания:

Who got the prize? — (1) \John;
(2) \John did;
(3) \John got the prize;
(4) I think it was \John;
(5) I think that was \John that got the prize.

Особой разновидностью узкого фокуса является *контрастивный фокус*. Ядерный акцент в этом случае привлекает внимание к контрасту, производимому говорящим:

∇I'm reading a \book. 'What are \you doing?;

I 'know what ∇Andrew wants, but 'what do \you want?

Контраст может быть *эксплицитным*, как в предшествующих примерах, или *имплицитным*, когда слушающему приходится самому предполагать противоположный компонент контрастивной пары:

I 'don't know what ∇you're complaining about.

Здесь содержится противопоставление адресата (*вы*) некоему другому жалобщику, кто, по всей видимости, имеет гораздо больше оснований для апелляции, чем адресат.

Фокус не статичен. В процессе развертывания диалогического дискурса, коммуниканты постоянно обновляют его сферу. С помощью *варьирования тонакцента* (= изменения акцентной структуры ИФ, коррекции фокуса, смены положения ядра) носители языка делают каждую ИФ прагматически пригодной для коммуникативных ситуаций, в которых она используется [3, p. 21].

В качестве иллюстрации возьмем фразу *He is going to lose weight*. При широком фокусе и нейтральном акцентировании она звучит как ответ:

Why didn't he want any pastry? — He was 'trying to lose \weight.

Тот же тонакцент звучит как узкофокусный ответ на вопрос:

What was he trying to lose? — He was 'trying to lose \weight —

или в качестве контрастного продолжения фразы:

He 'wasn't trying to lose \credit, he was 'trying to lose \weight.

При уточнении расположения фокуса, к примеру, на слове *терять* мы тем самым подразумеваем контраст между *терять* и каким-либо другим словом:

He 'wasn't trying to \gain weight, he was trying to \lose weight.

Иную картину мы имеем с контрастивным фокусом на слове *пытался*:

He was \trying to lose weight though he 'didn't have much suc\cess.

Размещение фокуса на вспомогательном глаголе *was* приводит к противопоставлению по *времени* или *поллярности*:

He \was trying to lose weight, but he 'isn't \now;

He \was trying to lose weight, des'pite your claim that he \wasn't.

Контрастивный фокус на местоимении *он* предполагает противопоставление иному субъекту:

\He was trying to lose weight, though his re\lations may not have been.

Тон. Среди конфигураций основных тонов нисходяще-восходящий тон (НВТ) является, пожалуй, самым *имплицитивным* (выражающим тончайшие оттенки смысла без слов). При использовании этого тона в повествовательных предложениях говорящий утверждает что-либо, при этом оставляя за собой возможность иной смысловой перспективы:

A. Who's that? — B. Well I 'know her ∇face.

Возможная расшифровка иногда содержит контраст между тем, что сказано, и тем, что подразумевается, как в случае:

Well I 'know her ∇face, but I 'can't remember her \name.

Члены американского оружейного лобби, отбиваясь от огня критики со стороны своих оппонентов, придумали разящий слоган:

∇Guns don't kill people, \people kill people,

в котором содержится явный контраст между *оружием* и *людьми* (как агентами глагола *убивать*). Ту же идею можно выразить более тонко, хотя и менее тенденциозно:

∨Guns don't kill people,

оставив тону прерогативу прозрачной имплицатуры.

Имплицативный НВТ позволяет указывать на многие вещи, фактически не называя их. Этот феномен объясняет, в частности, использование данного тона в случае *вежливой поправки*:

А. How many students? Twenty? — В. ∨Thirty.

НВТ регулярно проявляется в так называемых случаях *частичных утверждений* [10, р. 68—69], которые содержат тонкие намеки:

(1) What a lovely voice! — ∨Yes, she has a 'lovely ∨voice (but she 'can't ∨act);

(2) I don't think much of her acting ability. — Well she has a 'lovely ∨voice (even if she can't ∨act).

Если высказывание начинается с НВТ, велика вероятность нефинального характера данного тонакцента: он сигнализирует о том, что говорящий еще не закончил высказывание:

I've 'cleaned the ∨rug, and 'now I'll water the ∨flowers.

Основное значение падающего тона — передача «главной, целевой или новой информации». Соответственно общее предназначение английских нефинальных тонов состоит в оформлении «побочной, сопутствующей или неполной информации» [9, р. 41].

Существует небольшая разница между восходящим (ВТ) и нисходяще-восходящим информационно зависимыми тонами: НВТ не только анонсирует тему, но и привлекает внимание к ней, в то время как ВТ ограничивается только обозначением темы:

(1) Your 'passport will be ready to ∨morrow;

(2) Your ∨passport will be 'ready to ∨morrow;

(3) Your ∨passport will be 'ready to ∨morrow.

Версия (1) прямолинейна и типична для быстрого разговорного стиля речи. Версия (2) выделяет *ваш паспорт* в отдельную ИФ, тем самым меняя форму передачи смысла на более медленную и произвольную. Версия (3) похожа на (2), за исключением дополнительной эмфазы на теме (*ваш паспорт*). Она способна также сигнализировать контраст между данной темой (*ваш паспорт*) и другой возможной темой, например *ваш билет*.

В сложноподчиненных английских предложениях часто используется разделенный НВТ. Сочетание падения с подъемом применяется для подчеркивания некоего элемента в самом начале высказывания с задержкой терминального тона до последней лексемы, сообщающей новую информацию:

I ∨hope you'll be able to ∨come;

∨Please shut the ∨window.

Этот интонационный контур встречается особенно часто в высказываниях, где первый терминальный тон падает либо на слово, выражающее *ментальное состояние*, либо на усиливающее слово:

I'm ∨glad you found it ∨interesting;

I ∨do wish you wouldn't com ∨plain so much;

You've been ex ∨tremely ∨patient with her.

Он также появляется в тех случаях, когда второй терминальный тон падает на элемент, передающий новую, хотя и предсказуемую информацию:

- How do we get there? — (1) \Maurice got a /car;
 (2) \Walking's the /easiest way;
 (3) The \plane would be the /quickest.

Часть с падением, подвергающаяся бóльшей эмфатизации, содержит наиболее важную идею, тогда как часть с подъемом — вторичную и менее важную. Для сравнения приведем альтернативные формулы:

- How can we get there? — (1) If you 'want a ^car, \Maurice got one;
 (2) The ^easiest way would be to \walk;
 (3) The ^quickest route would be the \plane.

В разговорной речи англичан иногда имеет место перенос подлежащего в конец высказывания. Перемещенное подлежащее, формирующее отдельную ИФ, снабжается зависимым восходящим тоном (реже нисходяще-восходящим):

- 'Brenda's \brilliant → She's\brilliant, ^Brenda;
 ^That's \lovely → \Lovely, ^that.

Наличие *интонационной границы* является точным индикатором данной грамматической конструкции [5, с. 70]:

- 'Very \fattening, ^biscuits, \aren't they? (= Biscuits are fattening);
 'Very \fattening biscuits, \aren't they? (= These are fattening biscuits).

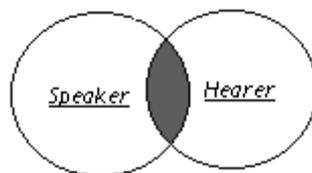
Профессор Гуссенховен предлагает систему обобщения семантики английских тонов [8]. Обобщенное значение падающего тона — это *объявление* чего-либо, а функция НВТ — *отсылка* к чему-либо [4, р. 68]:

- (1) Mary ^Brown's a \teacher;
 (2) Mary \Brown's a ^teacher.

Модель (1) подходит к речевой ситуации, в которой мы уже упомянули Мэри Браун, возможно, наряду с другими. Ее значение может быть перефразировано следующим образом: «Что касается Мэри Браун, то она — учительница». Так мы *ссылаемся* на уже затронутую тему (*Мэри Браун*), интонируя ее посредством НВТ, а затем *объявляем* новый факт (*она учительница*) с помощью падающего тона.

Модель (2) уместна в случае разговора об учителях. Ее смысл перефразируется так: «Что касается учителей, то Мэри Браун — одна из них». Мы *ссылаемся* на тему (*учителя*) посредством НВТ и *объявляем* новый факт (*Мэри Браун одна из них*).

Для обобщения всего вышеизложенного и условной демонстрации знаний двух любых участников диалога можно использовать диаграмму. Сферы мировосприятия говорящего и слушающего, весьма различаясь в целом, в некоторой *совместной области* все же совпадают (затемненная часть):

Отсылочный НВТ фокусирует наше внимание на том элементе высказывания, который уже находится в области совместного знания. *Объявляю-*

щий нисходящий тон, сопровождающий его, затем утверждает (объявляет) что-либо об этом элементе. Тем самым новый элемент с падением становится частью сферы, точнее сказать, «эллипса» совместного знания.

Совместная область знания говорящего и слушающего динамична. Она будет увеличиваться по мере расширения диалога, становясь коммуникативным **фоном**. Выбор основного тона в ИФ в процессе общения, по сути, определяется отношением информации, содержащейся в этой ИФ, к фону. Информация каждой ИФ является **переменной (П)**. Ниже следуют три основные манипуляции с переменными относительно коммуникативного фона, отмеченные специфическим выбором тона:

— **П-добавка**, элемент, наделяющийся падением; тем самым говорящий как бы объявляет о том, что данная переменная с этого момента является частью фона;

— **П-отбор**, элемент, наделяющийся нисходяще-восходящим тоном; тем самым говорящий напоминает партнеру о том, что данная переменная уже является частью фона;

— **П — тест на релевантность**, элемент, наделяющийся восходящим тоном; тем самым говорящий оставляет право слушающему самому решать, уместна ли данная переменная для фона.

Рассмотрим несколько примеров.

When I've 'finished these \letters I'll 'make those \phone calls.

Первая ИФ несет НВТ. Это — пример П-отбора. Избирая НВТ при произнесении фразы *Как только я закончу с этими письмами*, говорящий, по-видимому, передает следующее значение: «Ты ведь знаешь, что мне необходимо закончить с этими письмами, поскольку тебе известно, что их следует отослать сегодня же». Когда он говорит *Я сделаю ряд телефонных звонков*, избирая падающий тон, тем самым он дает понять: «Вот еще нечто новое, что ты должен принять во внимание».

I'll 'make those \phone calls when I've 'finished these \letters.

Говорящий уверен, что необходимость телефонных звонков признается слушающим. Он лишь хочет того, чтобы его партнер уяснил, что звонки будут сделаны лишь после написания писем.

Are you 'going to fetch the \kids?

В данном примере с восходящим ядром, оформляющим **тест на релевантность**, говорящий передает приблизительно следующее: «Что касается того, что ты должен забрать детей, то давай уговоримся, будет ли это впредь постоянной частью нашего коммуникативного взаимодействия».

Продемонстрированные компоненты просодической системы английского языка в их сложном взаимодействии представляют собой ключ к описанию интонационной грамматики любого языка. Помимо предметно-логической информации в систему интонационного значения с необходимостью должны быть включены элементы эмоционально-модальных смыслов, передача которых в устной речи людьми, не являющимися носителями определенного языка, приводит к затруднениям при восприятии носителями этого языка. Возрождение интереса к звучащей речи на иностранном языке, в частности английском, — насущная задача в условиях явной недооценки первичности и важности обучения устной речи в отечественных образовательных учреждениях всех ступеней.

Библиографический список

1. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. : Высш. шк., 1979. 312 с.
2. Леонтьева С. Ф. Теоретическая фонетика английского языка. М. : Высш. шк., 1988. 271 с.
3. Allan K. Linguistic Meaning. L. ; N. Y. : Routledge & Kegan Paul, 1986. 452 p.
4. Brazil D. Pronunciation for Advanced Learners of English : Student's Book. Teacher's Book. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 159 p.
5. Cruttenden A. Intonation. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 201 p.
6. Crystal D. Prosodic Systems and Intonation in English. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 381 p.
7. Ekman P. Telling Lies. N. Y. : W.W. Norton & Company, 1992. 336 p.
8. Gussenhoven C. The Phonology of Tone and Intonation. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 388 p.
9. Halliday M. A. K. A Course in Spoken English: Intonation. The Hague : Mouton, 1970. 315 p.
10. O'Connor J. D., Arnold G. F. Intonation of Colloquial English: a Practical Handbook. L. : Longman, 1973. 304 p.
11. Seaton M. Word Up. // The Guardian. 2005. 21 Sept. URL: <http://www.guardian.co.uk/g2/story/0,3604,555379,00.html>
12. Tench P. The Intonation Systems of English. L. : Cassell, 1996. 160 p.
13. Vishnevskaya G. M., Levina T. V. English Suprasegmental Phonetics. Ivanovo : Ivanovo University Press, 2007. 233 p.
14. Wells J. C. English Intonation : an Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 276 p.
15. Wichmann A. Intonation in Text and Discourse: Beginnings, Middles, and Ends. Harlow : Longman, 2000. 162 p.

ББК 802.0 801.4

Н. Г. Лаврентьева

**АКЦЕНТНЫЕ МОДЕЛИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ:
НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ
(На материале подъязыка экономики)**

Как отмечает большинство исследователей в области фонетики английского языка, акцентно-ритмические структуры английских слов могут варьироваться под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов. В широком понимании варьирование мыслится как «различия в воспроизведении, состоящие в изменении звукового состава или значения структурной единицы языка без утраты ее тождества» [1]. Под вариантами слова традиционно понимаются «воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными суффиксами» [2, с. 17]. В фокусе нашего исследования находится фонетическое варьирование слова, точнее один из его типов — акцентное варьирование, которое предполагает сосуществование в языке нескольких акцентных моделей слова.

© Лаврентьева Н. Г., 2010

Наше внимание привлекла специальная терминология, а именно подъязык экономики. Это связано прежде всего с тем, что сфера экономики, а следовательно, и язык, обслуживающий ее, являются наиболее динамично развивающимися в современном мире. Постоянно пополняясь новой лексикой, терминология подъязыка экономики не всегда в полном объеме отражается в словарях. Особенно медленно на возникновение новых слов реагируют специальные произносительные словари, поэтому фонетическое оформление специальных терминов остается не вполне ясным и правильным с точки зрения вариативности и нормы.

С целью изучения вариативности акцентно-ритмических моделей сложных терминов подъязыка экономики нами было предпринято специальное экспериментальное исследование, в котором приняли участие 10 дикторов — носителей американского варианта английского языка. Им было предложено озвучить 200 интересующих нас лексических единиц. Сложные экономические термины выбирались нами из различных источников, причем их акцентная структура не была отражена в специальных произносительных словарях. В результате анализа нормативного акцентного оформления английских сложных слов, составляющих узкий корпус исследования, нами были зарегистрированы все четыре акцентных типа сложных двухкомпонентных слов, выделенных Г. П. Торсуевым [3, с. 76]:

— акцентный тип \perp : *shareholder, salesman, paperwork, businessman, trade-mark*;

— акцентный тип $\perp \perp$: *exchange cover, Draft Contract, agency agreement, market survey, sales performance, customs clearance, export executive*;

— акцентный тип $\perp \top$: *Cover Note, sales force, bank service, purchase order, cash deposit, charge card, credit card*;

— акцентный тип $\top \perp$: *list-price, end-user*.

Таблица 1

Акцентные типы английских сложных слов, функционирующие в подъязыке экономики

Акцентный тип	\perp	$\perp \perp$	$\perp \top$	$\top \perp$	Итого
Абсолютная величина	21	50	127	2	200
% к итогу	10,5	25,0	63,5	1,0	100

Как видно из таблицы 1, наиболее частотным оказался акцентный тип $\perp \top$ с главным ударением на первом компоненте сложного термина и второстепенным ударением на втором (63,5 % от общего числа примеров). Сложные двухкомпонентные термины, имеющие два равных по силе ударения на обоих компонентах (акцентный тип $\perp \perp$), составили 25 % от общего числа примеров. Менее частотными оказались сложные термины с одним главным ударением на первом компоненте (акцентный тип \perp). Они составили 10,5 % от общего числа примеров. Акцентный тип с второстепенным ударением на первом компоненте и главным ударением на втором ($\top \perp$) был представлен всего двумя словами — *list-price* и *end-user* (1 % от общего числа анализируемых сложных терминов). Таким образом, большинство сложных терминов подъязыка экономики, образованных по модели N + N, имеют объединяющее ударение на первом компоненте (акцентные типы $\perp \top$, \perp), они составили 74 % от общего числа сложных терминов, вошедших в узкий корпус исследуемого материала.

Результаты аудитивного анализа узкого корпуса экспериментального материала показали, что акцентно-ритмические структуры английских слож-

ных слов, функционирующих в языке экономики, могут варьироваться, причем степень варьирования является довольно высокой. Акцентное варьирование проявляется:

- а) в количестве ударений;
- б) в степени ударности определенного слога (главное или второстепенное ударение).

Таблица 2

**Варьирование акцентно-ритмических структур
сложных терминов подъязыка экономики**

Акцентные варианты	⊥ ⊔ versus ⊥ ⊥	⊥ versus ⊥ ⊔	Отсутствие акцентных вариантов	Итого
Абсолютная величина	132	17	51	200
% к итогу	66	8,5	25,5	100

Как видно из таблицы 2, из 200 сложных терминов, вошедших в узкий корпус исследовательского материала, 149 слов имеют акцентные варианты в парадигматике речи (что составляет 74,5 %). Согласно полученным данным, варьирование не проявляется в сравнительно небольшой группе интересующих нас слов (51 единица, или 25,5 % от общего числа примеров). Акцентные варианты отсутствуют в основном у сложных терминов, компоненты которых представляют собой многосложные слова (более двух слогов). Подобные образования имеют акцентную структуру с двумя равноправными ударениями на обоих элементах, например: *accountant executive, agency agreement, sales performance, customs clearance, state restrictions, line administrator, Release Certificate* и т. д. В данную группу вошли 24 термина, что составляет 12 % от общего числа примеров. Акцентное варьирование отсутствует также у сложных слов, имеющих в большинстве источников слитное или дефисное написание (всего 10 единиц, или 5 % от общего числа примеров). Сложные слова, образующие данную группу, имеют одно главное ударение на первом компоненте, например: *work-sheet, workload* и т. д. Акцентное варьирование не проявляется и в сравнительно небольшой группе терминов с главным ударением на первом компоненте и второстепенным ударением на втором (всего 17 единиц, или 8,5 % от общего числа терминов), например: *delivery date, balance sheet, cash deposit, charge card* и т. д. В данную группу вошли термины, имеющие как дефисное, так и раздельное написание. Однако присутствие объединяющего ударения на первом компоненте в указанной выше группе терминов в произнесении всех американских дикторов позволяет сделать вывод о том, что данные двухкомпонентные термины воспринимаются носителями английского языка (американцами) как «стойкие» сложные слова, прочно закрепившиеся в лексическом составе английского языка и функционирующие как цельнооформленные единицы номинации.

Известно, что варьирование акцентно-ритмических структур английских слов может проявляться как в количестве ударений, так и в степени ударности определенного слога (главное или второстепенное ударение). Анализ акцентного оформления английских сложных слов, составляющих узкий корпус экспериментального материала, показал, что варьирование акцентно-ритмических структур интересующих нас сложных слов в парадигматике речи проходит в двух направлениях:

1) главное ударение на первом компоненте сложного слова и второстепенное ударение на втором — два главных ударения на обоих элементах сложного слова ($\perp \top$ versus $\perp \perp$), например в терминах *delivery charge, profit margin, import licence, market share, Cover Note* и т. д.;

2) одно главное ударение на первом компоненте сложного слова — главное ударение на первом компоненте сложного слова и второстепенное ударение на втором (\perp versus $\perp \top$), например: *labour force, trade fair*. Таким образом, акцентно-ритмическая структура $\perp \top$ может варьироваться.

Вариантом акцентно-ритмической структуры с главным ударением на первом элементе сложного слова и второстепенным ударением на втором является акцентно-ритмическая структура с двумя равными по силе ударениями на обоих компонентах сложного слова. Такое варьирование акцентно-ритмических структур является довольно распространенным среди сложных слов, функционирующих в языке делового общения. 66 % сложных слов, составляющих узкий корпус исследования, обнаруживают наличие подобных вариантов данных структур: $\perp \top$ versus $\perp \perp$.

Сложные термины экономики с главным ударением на первом компоненте и второстепенным на втором ($\perp \top$) при изолированном произнесении могут терять второстепенное ударение. Однако такое варьирование акцентно-ритмических структур не является распространенным среди сложных слов интересующей нас группы (лишь 5 % проанализированных нами английских сложных терминов имеют акцентно-ритмические структуры, варьирующиеся подобным образом).

Настоящее исследование проводилось на материале американского варианта английского языка, поэтому данные, полученные нами в результате анализа, отражают особенности акцентного оформления английских сложных терминов в нормативной американской речи при изолированном произнесении указанного типа слов.

Далее в ходе эксперимента те же 200 сложных терминов подъязыка экономики были предложены для озвучивания русским студентам, изучающим английский язык. Как показали результаты аудиторского анализа (аудиторами выступили 10 носителей американского варианта английского языка), процент ошибочных (ненормативных) реализаций акцентной структуры изучаемых сложных лексических единиц вне лингвистического контекста в речи русских испытуемых оказался достаточно высоким: 37 % реализаций от их общего числа (всего было получено 2000 реализаций) содержали те или иные отклонения, на которых мы остановимся ниже.

При обсуждении характера ударения нами учитывались следующие типы ошибок:

- 1) ошибки в качестве ударения;
- 2) ошибки в дистрибуции ударения.

Проанализировав ошибки в реализации акцентной структуры сложных экономических терминов, отмеченные аудиторами, можно выделить наиболее типичные отклонения от нормативного акцентного оформления указанной группы слов, проявляющиеся в произнесении русских билингов (табл. 3):

1) употребление двух равных по силе ударений в английских сложных словах вместо нормативного главного и второстепенного ударений (52 % от общего числа ошибочных реализаций), например в терминах *field survey, Stock Department, sales promotion*;

2) употребление главного ударения на первом компоненте сложного термина и второстепенного ударения на втором компоненте вместо двух равных по силе ударений на обоих компонентах в норме (28 % от общего числа ошибочных реализаций), например в терминах *exchange cover*, *Draft Contract*, *market survey*, *home delivery*, *management personnel*;

3) употребление дополнительного второстепенного ударения на втором элементе в сложных терминах с одним главным объединяющим ударением на первом элементе в норме (20 % от общего числа ошибок), например *stock-broker*, *workload*, *worksheet*.

Таблица 3

**Типичные отклонения от нормативного акцентного оформления
английских сложных слов в речи русских билингвов**

Нормативная акцентная модель	Ненормативная реализация в речи русских билингвов	Количество ненормативных реализаций	% к итогу
┘ ┘	┘ ┘	385	52
┘ ┘	┘ ┘	207	28
┘	┘ ┘	148	20
<i>Итого</i>		740	100

Таким образом, можно отметить, что русские испытуемые допускают целый ряд устойчивых, типичных ошибок в акцентном оформлении английских сложных терминов. Ошибки возникают в результате интерферирующего влияния родного (русского) языка, для которого не характерно наличие такого большого количества слов с разными степенями ударения, как в английском языке. Этим обусловлена ошибочная постановка русскими испытуемыми двух равных по силе ударений на обоих компонентах сложного термина вместо главного и второстепенного ударений. Употребление русскими билингвами дополнительного второстепенного ударения на втором компоненте сложного термина можно объяснить тем, что сложный термин зачастую воспринимается носителями английского языка не как слово, единая лексическая единица, а как сочетание двух самостоятельных основ. Отсюда их стремление обозначить ударением (хотя и более слабым) второй компонент сложного термина. Ненормативное употребление второстепенного ударения вместо главного на втором компоненте сложного термина в произнесении русских испытуемых скорее связано с тем, что акцентные модели ┘ ┘ versus ┘ ┘ действительно могут варьироваться между собой, причем процент их варьирования в парадигматике речи в норме довольно велик (66 % от общего числа примеров). Однако в некоторых случаях, по мнению аудиторвоинформантов, подобное акцентное варьирование недопустимо.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. 607 с.
2. Горбачевич К. С. Вариативность слова и его языковая норма. М. : Наука, 1978. 327 с.
3. Торсуев Г. П. Константность и вариантность в фонетической системе. М. : Наука, 1977. 125 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МИКРОСТРУКТУРЫ ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

От того, как структурирована словарная статья и какая информация в ней представлена, во многом зависит, насколько успешно будет выполнена задача справочного издания, в частности переводного словаря общественно-политической лексики (ОПЛ), связанная с постижением компонентов смысла входной единицы, заложенных в исходном языке и перенесенных в язык перевода. Как справедливо отмечает О. А. Леонтович, при работе над микроструктурой необходимо иметь в виду, что значение может составлять ядро смысла, но может оказаться и его периферийным компонентом. Основой формирования смысла часто служит побочная, дополнительная информация, которая дана в словарной статье как сопутствующая. Поэтому критерием отбора сведений, включаемых в словарную статью, должна выступать не столько полнота фактуальной информации, сколько то, как она представлена и структурирована в сознании среднего носителя соответствующей лингвокультуры, включая исходный контекст, сложную систему ассоциаций, коннотаций, место в концептосфере и картине мира. Также следует учитывать динамику значений и их трансформацию в определенный исторический период [2, с. 20]. Данные положения, на наш взгляд, играют решающую роль при работе над макро- и микроструктурой модели переводного электронного словаря ОПЛ. В настоящем исследовании предпринята попытка описать ключевые информационные категории словарной статьи подобного справочника.

В процессе создания микроструктуры англо-русского словаря ОПЛ важно учитывать особенности интересующего нас вокабуляра. Представляется возможным дать следующее его рабочее определение: совокупность лексических единиц, обозначающих понятия и реалии общественно-политической жизни и отражающих особенности социального устройства, присущие разным общественно-экономическим формациям. Поэтому данные лексические единицы являются культурно и идеологически значимыми и могут неодинаково оцениваться представителями различных обществ/идеологий. Важно подчеркнуть, что слово *идеология* понимается вне политического контекста (= учение или наука идей; система взглядов). Более того, ОПЛ находит свое широкое употребление в средствах массовой информации и объединяет в себе терминологию из различных отраслей знания. Например, в корпус предлагаемой модели словаря ОПЛ были включены термины военного дела (*incursion, curfew, martial law, militant, civilian, casualty, aerial bombardment, torture, to implement a cease-fire, interrogation technique/method/tactics, ongoing assault*), антитеррористических действий (*gunman, ransom, to gun down, to take hostages, to kidnap, to abduct, to hunt down terrorist organizations, to enact security measures, coordinated terrorist attack*), терминология, связанная с борьбой с пиратством (*anti-smuggle efforts, fall prey, to patrol pirate-infested waters off*), с национально-освободительным движением (*militia, ethnical,*

exodus, mercenary, breakaway republic, collapse, coup, refugee). Безусловно, огромное место в рассматриваемой модели занимает политическая лексика (*G-20 summit, post-Cold War era, elections, administration, poll, ombudsman, official, executive, authority, supremacy, president elect, bureaucrat, premier, Emergencies Minister, political clout, succumb to protectionism*), отдельным индексом вынесены наименования международных (вне)государственных организаций, документов, соглашений и т. п. (*NGOs, IGOs, Greenpeace, UNO, Global Water Policy Project, World Business Council for Sustainable Development, Friends of the Earth, Comprehensive Test Ban Treaty — CTBT, Nuclear Nonproliferation Treaty, Bretton Wood Treaty*). Терминологический аппарат процесса разоружения (*long-range rocket launch, banning ballistic missile testing, disarm, nuclear facilities, Nuclear Nonproliferation Treaty, nuclear weapons program*), термины социальной сферы (*relief plan, child abuse, ethnical, social unrest*), здравоохранения (*swine flu, anthrax, pandemic level, outbreak, man-to-man disease, WHO cautions, to raise public-health alarms*) также включены в словник, поскольку широко употребляются в СМИ и составляют часть ОПЛ.

На наш взгляд, язык общественно-политической жизни очень богат и обширен: он отражает ее различные и многоплановые реалии и стороны. С учетом подобной специфики рассматриваемого вокабуляра представляется необходимым ввести функциональную помету в словарную статью о сфере употребления входной единицы. Так, заглавное слово *marginalized* будет иметь помету «социальная сфера», *waterboarding* — «военное дело», *bomb blast* — «антитеррористическая деятельность, военное дело», *NIH1 flu* — «медицина», *president elect* — «политика» и т. п. Возможно, в дальнейшем удастся преобразовать ее в графическую помету, которая является наглядной и доступной для пользователя (см. графические пометы в «Oxford Dictionary of New Words» [3]).

Нельзя отрицать тот факт, что пользователя англо-русского словаря в первую очередь интересует переводной эквивалент. В случае со словарем ОПЛ, когда слово обозначает специфичную, отличную от данной культуры/идеологии реалию, ему необходима и различная дополнительная информация, которая может быть представлена в комментарии к переводному эквиваленту, зарегистрированном в скобках. Например, в словарных статьях *pro-life / pro-choice* недостаточно указать только переводной эквивалент *за жизнь / за выбор*, поскольку это будет непонятно для пользователя. Безусловно, в обеих статьях необходима дополнительная справка и ссылка на противоположное явление, поскольку они очень тесно связаны друг с другом.

Известно, что, используя словарь, читатель бессознательно опирается на свои знания о действительности, свои моральные ценности, устои и убеждения [4]. Важным фактором в данном случае является учет знаний пользователя (специальных/неспециальных, лингвистических/внелингвистических или фоновых), а также нейтралитет лексикографов-составителей при описании реалии общественно-политической жизни. В этой связи следующая информация в разделе переводного эквивалента представляется целесообразной:

Pro-Life — за жизнь (точка зрения на аборт / прерывание беременности, представители которой защищают зародыш, эмбрион как живое существо, приравнивают аборт к убийству, отстаивают юридический запрет на аборт).

Pro-Choice — за выбор (точка зрения на аборт / прерывание беременности, сторонники которой отстаивают право женщины на выбор относительно

продолжения/прерывания беременности как ее естественное право распоряжаться своим телом).

Содержание комментария должно включать достаточный для понимания минимум информации, чтобы избежать избыточного и перегруженного описания, тем более что читатель предпочитает получать краткий переводной эквивалент. Проблема «минимизации» информации сводится к проблеме ее отбора, т. е. к вопросу о том, какие признаки предмета должны быть отражены в переводном словаре. Эти признаки, которые при сопоставлении двух культур определяются как страноведчески ценные, выделяются в слове на основании фоновых знаний среднего носителя языка и служат критерием правильного восприятия не-носителем языка текста, в котором слово употреблено.

В некоторых случаях невозможно ограничиться только кратким комментарием в скобках, поскольку для понимания общественно-политического явления, его сути и содержания нужна более полная культурологическая справка. Так, на наш взгляд, существенным для понимания феномена общественных движений «Pro-Life» и «Pro-Choice» является краткое описание других отстаиваемых их сторонниками позиций, упоминание о деле *Roe v. Wade*, рассмотренном в Верховном суде США в 1973 г., а также о четырнадцатой поправке к Конституции США, принятой в 1800-х гг., которая дает неограниченное право на аборт. Именно на эти события часто ссылаются политические деятели во время теледебатов. Следовательно, подобную историческую справку целесообразно вынести в раздел «Interesting!», который является дополнительной опцией. Пользователь электронного словаря может выводить/убирать ее с экрана просмотра.

Pro-Life

Interesting! Сторонники движения «За жизнь» полагают, что правительство должно быть ответственно за сохранение жизней всех своих граждан и запретить аборт. Этика социально-политического направления согласуется с догмами Римской католической церкви и других христианских религиозных организаций. Активисты движения «За жизнь» выступают за запрет: абортов, использования контрацептивов, эвтаназии, человеческого клонирования, смертной казни.

В США ключевым считается дело *Roe v. Wade*, рассмотренное в Верховном суде США в 1973 г., относительно права на аборт, когда 14-я поправка к Конституции, принятая в конце 1800-х гг., была сохранена и право женщины на аборт было подтверждено. Копию данного дела можно посмотреть на странице www.aproundtable.org.

Безусловно, важным вопросом является отбор дополнительной политической, социальной и культурологической информации в корпус словаря ОПЛ. О. Н. Иванищева предлагает следующую методику отбора страноведчески ценных признаков: в случае наличия эквивалента исследуются понятийные объемы слов-эквивалентов и в комментарии к эквиваленту остается та часть информации, которая «не вошла» в слово языка перевода. Примером может послужить приведенная выше статья *pro-life* или *pro-choice*. В случае транслитерированного и описательного эквивалента в комментарий к нему отбираются признаки, знание которых позволяет правильно воспринять текст, где используется данное слово [1, с. 122].

Bailout — предоставление финансовой помощи или гарантирование ликвидности предприятию, которое находится на грани банкротства.

На наш взгляд, исследование значительного числа текстовых фрагментов также позволяет объективизировать набор страноведчески ценных признаков. Поэтому в некоторых словарных статьях допустимо включение двух и более вербальных примеров. Так, в словарную статью *crusader* представляется возможным ввести два примера, демонстрирующих функционирование данного слова в современном мире, а также ситуацию и контекст его использования:

Al Qaeda's second-in-command called on Pakistanis to back Islamic militants in the country's tribal areas against what he called an ongoing assault by American «**crusaders**» and the Pakistani army [CNN News, 2009].

«The war in the tribal areas and Swat [Valley] is an inseparable part of **the crusaders' assault** on the Muslims the length and breadth of the Islamic world», al-Zawahiri said in the video, titled «Path of Doom» [CNN News, 2009].

Таким образом, словарная статья предлагаемой модели двуязычного словаря ОПЛ включает в себя следующие разделы:

- заглавное слово и его формальные признаки (орфоэпическая и грамматическая пометы);
- функциональную помету;
- переводной эквивалент с дополнительными комментариями в скобках (если необходимо);
- культурологический раздел «Intersting!»;
- иллюстративные примеры.

Систематизация способов лексикографирования микроструктуры переводного словаря ОПЛ, в частности переводного эквивалента и дополнительной (культурологической, семантической, функциональной, оценочной или идеологической) информации, требует не только обобщения опыта практической лексикографии в этом вопросе, но и выработки теоретического подхода к проблеме, а именно: принципов отбора подобных данных, способов их введения в корпус двуязычного словаря и в дополнение к корпусу, а также путей «минимизации» объема подобной справки.

Библиографический список

1. *Иванищева О. Н.* Лексикографирование элементов культуры в двуязычном словаре // Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах : материалы VI Междунар. шк.-семинара, Иваново, 12—14 сент. 2005 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. С. 120—123.
2. *Леонтович О. А.* Культурные значения и смыслы: лексикографический аспект // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Междунар. шк.-семинара, Иваново, 12—14 сент. 2007 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. С. 19—21.
3. *Tulloch S.* Oxford Dictionary of New Words. Oxford : Oxford University Press, 1996. 336 p.
4. *Dijk T. A. van.* Political Discourse and Political Cognition // Politics as Text and Talk. Analytical Approaches to Political Discourse. Amsterdam : Benjamins, 2002. P. 204—236.

ББК 81.001.6:81.432.4

Н. Д. Миловская

СМЕХОВОЙ АНТИМИР ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВЕСНОЙ ИГРЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ БЫТОВОМ АНЕКДОТЕ

«След особого генетического отношения» [1, с. 708], которое связывает немецкий *Witz* с немецким историческим анекдотом (*Anekdote*) позволяет именовать *Witz* *анекдотом*. Однако, понимая *Witz* как кратко и остроумно изложенное сообщение о комической ситуации из *бытовой* жизни типизированного в менталитете представителей одного этноса персонажа, обретающее в финале неожиданную, ошеломляющую и разрушающую стереотипы традиционного восприятия интерпретацию, создающую комический эффект, предлагаем называть его *бытовым анекдотом* [6, с. 9].

Поскольку сообщение о некоторой комической ситуации оформляется в немецких бытовых анекдотах *в виде особым образом организованного текста*, они существуют в социуме либо в формате повествования (короткий рассказ и короткий диалог), либо в формате шуточного вопроса или сентенции [6, с. 27].

К немецким *бытовым анекдотам об эпохе социализма* автором отнесены анекдоты, сюжетами которых являются ситуации из повседневной жизни представителей политической элиты ГДР и простых граждан Восточной Германии, с юмористической несерьезностью осмысляемые немецкими народными остроловами в проекции на социально-политическую жизнь социалистического общества.

Поддерживая утверждения известных исследователей комического о том, что необходимо «делать различие между комическим, которое слово выражает, и комическим, которое речь создает» [2, с. 68] (см. также [3, 9]), в работе мы проводим четкую грань между *предметными (ситуативными)* бытовыми анекдотами (*Sachwitz*) и *языковыми (Wortwitz)*. Последние помимо нацеленности только на лудическое, карнавальное осмысление существующего в его недостатках и стереотипах социалистического миропорядка обнаруживают явно ощутимую интенцию доставить реципиенту особое удовольствие, связанное с успешным декодированием использованной в них *словесной игры*.

Автор придерживается следующей дефиниции словесной игры как лингвистического феномена в широком понимании термина: словесная игра — это «разновидность языковой игры, в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и/или состава)» [7, с. 86]. Из определения понятно, что мы будем говорить об игре слов в случаях, когда для создания остроумных высказываний используется исключительно семантический потенциал слова и/или фразеологической единицы.

Однако в данном исследовании игра слов ограничивается функцией создания комической пуанты в смеховом антимире немецкого языкового бытового анекдота (ЯзБА). Смеховой антимир понимается при этом как мир

недействительный, мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически неоправданных соотношений, мир свободы от условностей, мир, дающий человеку ощущение своей «сторонности» относительно происходящего: «В этом антимире нарочито подчеркиваются его нереальность, непредставимость, нелогичность... В этом изнаночном перевернутом мире человек изымается из всех стабильных форм его окружения, переносится в подчеркнуто нереальную среду» [5, с. 14—15]. Игра же слов, используемая в немецком языковом бытовом анекдоте, интерпретируется как языкотворческий и лингвокреативный эксперимент, обыгрывающий на фоне друг друга семантический потенциал опорных лексем (или более крупных опорных фрагментов), представленных полнозначными словами или фразеологическими единицами. Этот эксперимент осуществляется с целью создания комического/юмористического эффекта анекдота, вызывает смеховую реакцию реципиента и требует лингвокреативных усилий по его декодированию. Обратимся к примерам.

Настрой немецкого народа на смеховое «переименование», сопровождающее толкование концепта «социализм», важнейшим атрибутом которого являлся красный цвет, запечатлел в антимире своего нереального пространства анекдот-повествование: (1) *In Weimar, DDR, geht ein Mann bei Rot über den Fußgänger-Überweg. Mitten auf der Straße begegnet ihm ein anderer Fußgänger und murmelt, im Vorbeigehen und ohne ihn anzuschauen: «Sie können wohl auch kein Rot mehr sehen?»* Основой словесной игры в данном случае служит возможность совмещения узуального и символического значений при толковании опорной лексики *Rot*.

Стремление отмежеваться от социалистической реальности в Восточной Германии и осмыслить ее в тональности смеховой изнаночной действительности, свойственной карнавалному мировосприятию, отражается в другом ЯзБА-повествовании: (2) *Bei einem Internationalen Leichtathletik-Sportfest wirft ein amerikanischer Hüne den Hammer 83,23 Meter weit. Weltrekord! Die Reporter umringen den Mann und fragen ihn: «Sagen Sie mal, worauf führen Sie diesen Erfolg zurück?» «Auf mein College. Dort bin ich ausgebildet und trainiert worden. Ich liebe mein College und schenke ihm diesen Sieg». Der Amerikaner hat nicht mit seinem russischen Konkurrenten gerechnet. Der wirft seinen Hammer beim dritten Versuch 83, 26 Meter weit. Weltrekord! Wieder sind die Reporter da und fragen: «Wie haben Sie das geschafft?» «Ich liebe die siegreiche Sowjetunion», sagt der Russe. «Als ich meinen Hammer abwarf, hab ich nicht an die Universität, sondern nur an mein Land gedacht. Ihm verdanke ich alles». Es tritt ein unbekannter Sportler aus der DDR in den Schutzkreis, er schleudert seinen Hammer 84 Meter weit. Neuer Weltrekord! Wieder eilen die Reporter herbei und sagen: «Weltrekord, Menschenskind, worauf führen Sie das zurück?» «Auf meinen Vater», sagt der Sieger. «Wieso auf Ihren Vater?» «Als ich noch ganz klein war, hat mein Vater zu mir gesagt: “Wenn dir jemals einer einen Hammer in die Hand drückt, mein Junge, wirf ihn so weit wie möglich”».* В начале анекдота реципиент увлекается декодированием опорной лексики *der Hammer* через её узуальное значение «an einem starken Draht befestigte Kugel aus Metall, die geschleudert wird», восходящее к исходному «Werkzeug zum Schlagen oder Klopfen aus einem je nach Verwendungszweck eckigen oder abgerundeten Metallklotz und einem darin eingepassten Stiel», поскольку именно это значение оказывается востребованным в актуализированной предметно-референциальной области сообщения «Sport». Однако последние слова анекдота *wirf ihn (den Hammer!)*

so weit wie möglich открывают перед настроенным на игру смыслов реципиентом перспективу символического толкования значения лексемы *den Hammer* (подобно её толкованию в выражении *Hammer und Zirkel im Ährenkranz* как *Symbol der Solidarität von Arbeitern, Intelligenz und Bauern in der DDR* или в выражении *Hammer und Sichel* как *kommunistische Symbole der Solidarität von Arbeitern und Bauern*), переводя завет отца с уровня тривиального пожелания не брать в руки молоток на уровень потаенной рекомендации не иметь ничего общего с символизируемым этим предметом общественным строем.

Интенция лоббировать зреющее в обществе пренебрежительное и шутовское отношение к деятельности правительственных кругов социалистической ГДР мотивирует народных острословов для создания перевернутой антиреальности следующего анекдота воспользоваться обыгрыванием в его опорной лексеме *Staatszirkus* двух её узуальных значений на фоне друг друга: (3) *In der ehemaligen DDR gab es offenbar eine interne Anweisung an alle Behörden, den Ausdruck Staatszirkus in offiziellen Verlautbarungen tunlichst zu vermeiden...* Лексема *Staatszirkus*, кроме приходящего на ум прежде прочих значения «Unternehmen, das meist in einem großen Zelt mit Manege Tierdressuren, Artistik, Clownerien u. Ä. darbietet», приспособлена также и для экспликации значения «großes Aufheben, Trubel, Wirbel», имеющего уничижительные коннотации и реализуемого в разговорной, стилистически сниженной речи. Намек на то, что лексема *Staatszirkus* в условиях ГДР чаще воскрешает в когнитивной сфере носителя языка сопровождаемое уничижительными коннотациями значение «großes Aufheben, Trubel, Wirbel», позволяет народным острословам завуалированно, в тоне смехового «передергивания» высказать свое отношение к проводимым в стране социально-политическим преобразованиям: они создают впечатление неуверенно срежиссированного балагана.

Понятно, что представленное в примерах 1, 2, 3 обыгрывание на фоне друг друга двух содержаний опорной лексемы, одновременно эксплицируемых в ней в связи с её интерпретацией из перспективы различных предметно-референциальных областей сообщения, доставляет реципиенту в случае их обнаружения удовольствие «чисто семиотической природы» [4, с. 25].

Лозунги демонстрантов, абсолютно нереальные в эпоху социализма, но позиционируемые в пространстве анекдота как имевшие место, заслуживают особого внимания реципиента в сюжете на тему «Майские праздники в бывшей ГДР»: (4) *Subversives aus der ehemaligen DDR zum 1. Mai. Die Bauarbeiter demonstrieren unter der Losung: Ruinen schaffen ohne Waffen! Die Verkehrsbetriebe haben auf ihre Fahnen geschrieben: Bei uns läuft es gut — Bald laufen auch Sie! Die DDR-Staatssicherheit marschiert unter der Losung: Kommen Sie zu uns — bevor wir zu Ihnen kommen!*

Первый лозунг *Ruinen schaffen ohne Waffen*, воскрешая в памяти программный партийный призыв *Frieden schaffen ohne Waffen*, рождает смеховое восприятие низкой социально-политической успешности строителей социализма. Обыгрываемая в лозунге метафора *Ruinen* (это образ построенного в ГДР социализма) накладывается к тому же на достаточно часто востребованный в немецкой культурной традиции лингвистический феномен акрофонических перестановок, известный под названием *Schüttelreime* (искусственно составленные образования, в которых в начале рифмующихся слов произведена замена согласных). Поэтому языкотворческий эксперимент по обыгрыванию на фоне друг друга двух содержаний опорной лексемы *Ruinen* поддерживают также втянутые в него лексемы *schaffen — Waffen*.

В основе второго лозунга *Bei uns läuft es gut — Bald laufen auch Sie!* лежит обыгрывание значения глагола *laufen*, представленного его лексико-семантическим вариантом «*sich auf den Beinen gehend fortbewegen*», на фоне значения ФЕ «*es läuft bei jmdm. Gut*». Особая смеховая изнанка этой словесной игры ощущается в случае, если от внимания реципиента не ускользает немаловажный нюанс — под этим лозунгом шествуют работники предприятий транспорта. Данная деталь ещё контрастнее высвечивает внутренне присущий этому пассажию анекдота привкус насмешки и ерничества над логикой реальной действительности: утверждается, что состояние дел в транспортной отрасли настолько хорошее (*Bei uns läuft es gut*), что население страны вскоре лишится возможности пользоваться транспортом (*Bald laufen auch Sie!*).

Погружение реципиента в атмосферу изнаночной действительности, в которой смеются над тем, что реально является страшным и жутким, обеспечивает третий лозунг *Kommen Sie zu uns — bevor wir zu Ihnen kommen*, начертанный на транспарантах сотрудников госбезопасности ГДР. Словесную игру создает обыгрывание в опорных лексемах *kommen* значения окказионального варианта «приходить с целью ареста» на фоне узуального значения «приходить».

Словесная игра с окказиональным вариантом значения опорной лексики *sammeln* «собирать в тюрьме» и ее узуальным значением «собирать что-либо, коллекционировать» реализуется в ЯзБА-повествовании, имеющем форму короткого диалога: (5) *Die beiden Willis unterhalten sich in Erfurt einen Augenblick unbeobachtet. Willy Brandt sagt: «Ich sammle Witze, die man über mich macht». Willy Stoph sagt: «Und ich sammle Leute, die Witze über mich gemacht haben».* Украшая сюжет, в котором действуют вымышленные двойники-маски известных политических деятелей (напомним: Willy Brandt — канцлер ФРГ с 1969 по 1974 г.; Willy Stoph — Председатель Совета Министров бывшей ГДР), эта словесная игра ненавязчиво и мягко предлагает задуматься о реальности/нереальности свободы слова в социалистической ГДР. В случае успешного декодирования ребусной семантики приведенных анекдотов реципиента вознаграждает чувство уверенности не только в «исправности» своего интеллекта в целом, но и в своей способности к эвристической лингвокреативной деятельности, а также чувство «удовлетворения и радости» семиотического характера [8, с. 123].

Объектами карнавального осмысления в ГДР-анекдотах (*DDR-Witze*), воплощаемых в данном случае в ЯзБА — шуточных вопросах, нередко становятся и факты из повседневной жизни простых граждан бывшей ГДР: (6) *Was macht ein DDR-Bürger, wenn er in der Wüste eine Schlange sieht? Er stellt sich hinten an;* (7) *Was ist der Unterschied zwischen der Sonne und einem DDR-Rock-Musiker? Keiner. Im Osten gehnse auf, und im Westen gehnse unter;* (8) *Frage: Was ist der Unterschied zwischen Schweinen im Westen und Schweinen im Osten? Antwort: Im Westen werden sie gegessen, im Osten Genossen.* В первом анекдоте (пример 6) игра со значениями полисемантической опорной лексики *die Schlange* с усмешкой и иронией свидетельствует о более низком жизненном уровне в Восточной Германии по сравнению с соседней ФРГ. Второй анекдот (пример 7) посвящен высмеиванию неконкурентоспособности в Западной Германии даже достижений «восточных» звезд рок-музыки. В нем реализуется интересный каламбур, построенный на структурной основе антитезы, на полюсах которой обыгрываются антонимичные *gehnsen auf / gehnsen unter*. Третий анекдот (пример 8), включающий механизм обыгрывания значений омофонов «*der Genosse ~ die Genossen*» и «*genießen (о еде) ~*

genoss ~ genossen» на фоне друг друга, представляет полный искреннего ехидства отзыв о партийных функционерах (*они — Schweine*), использовавших лексему *Genosse* в качестве обращения к членам партии.

На фоне всего сказанного не удивительно, что и о последних годах существования ГДР немецкие народные острословы создали анекдот, содержащая ребусность которого сопряжена с обыгрыванием семантической дualityности его опорного фрагмента *du willst wohl mit mir allen sein*. На игровом пространстве сюжета этого анекдота повествуется о необычной просьбе некой юной четырнадцатилетней спортсменки из ГДР, ставшей первой победительницей в вольных упражнениях на проводимых в Западном Берлине международных соревнованиях по спортивной гимнастике, которую она высказывает в разговоре с главой восточного немецкого государства: (9) *Ein hübsches Mädchen aus der DDR, vierzehn Jahre alt, ist bei einem Internationalen Sportwettbewerb in Ost-Berlin erste Siegerin im Bodenturnen. Staatschef Erich Honecker läßt die Kleine zu sich kommen, tätschelt ihr die Wangen und sagt: «Du hast dich um unser Land verdient gemacht. Gibt es einen Wunsch, den ich dir erfüllen kann, Mädels?» «Jawohl, Herr Staatsratsvorsitzender», antwortet das Mädchen. «Ich wünsche mir, dass Sie für einen Tag die Mauer öffnen lassen». Da droht Honecker schelmisch mit dem Zeigefinger und sagt: «Du, du, Du... du willst wohl mit mir allen sein»*. Лукавый ответ квази-Эриха-Хонекера при первом восприятии анекдота действительно способен увлечь простодушного реципиента на путь истолкования просьбы (на один день открыть свободный переход границы из ГДР в ФРГ) юной спортсменки как адресованного ему игриво-фривольного предложения *побыть с ним вдвоем, один на один...* Однако второй — более глубокий, потаенный и завуалированный — смысл высказывания *du willst wohl mit mir allen sein* открывается лишь реципиенту, во-первых, способному к восприятию данного сюжета в игровой и смеховой тональности, а во-вторых, имеющему представление о социально-политической атмосфере в ГДР в конце 80 — начале 90-х гг. Тогда большая часть населения страны жила идеей о воссоединении обоих немецких государств, мечтала прорваться в «свободный западный мир» и воспринимала Берлинскую стену (*die Mauer*) как символ авторитаризма и политического насилия. Поэтому желаемый спортсменкой открытый свободный проход через Берлинскую стену вполне мог завершиться тем, что на территории ГДР в течение дня не осталось бы ни одного человека за исключением руководителя государства.

Как видим, немецкие языковые бытовые анекдоты, посвященные эпохе социализма, представляют собой переосмысленные карнавальным мировосприятием народных острословов ситуации из жизни социалистического общества, погружаемые в перевернутое игровое пространство анекдота, в котором действуют вымышленные двойники-маски известных политических деятелей или граждан страны. Тем не менее предлагаемое лудическое осмысление этих сюжетов, формулировок, вопросов мягко и ненавязчиво стимулирует задуматься и над реально существующим вокруг нас миром.

В немецких языковых бытовых анекдотах об эпохе социализма словесная игра как языкотворческое и лингвокреативное манипулирование семантическим потенциалом слов и/или фразеологических единиц является востребованным, мощным инструментом карнавальная презентации самых разнообразных социальных реалий. Она разворачивается на произвольной синтаксической основе и заключается в обыгрывании на фоне друг друга двух толкований опорных лексем анекдота или его более крупных опорных фраг-

ментов, способствующем непрозрачности семантики анекдота. Реципиенту предлагается разгадать лингвистический ребус, построенный на зашифрованности в опорной лексеме значений ее лексико-семантических или окказиональных вариантов, ее прямого и метафорического значений, значений опорных лексем-омонимов, буквальных и обобщенно-переносных значений крупных опорных фрагментов, представленных ФЕ.

Смеховая реакция реципиента при декодировании ЯзБА данной тематики в немалой степени связана с удовольствием семиотической природы, получаемым от понимания и успешного разгадывания игрового словесного ребуса, осмысляемого на фоне не-игры как серьезной и обыденной речевой деятельности, имеющей место в реальном, несмеховом мире.

Библиографический список

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М. : Высш. шк., 2001. 725 с.
2. Бергсон А. Смех. М. : Искусство, 1992. 127 с.
3. Девкин В. Д. Занимательная лексикология: Worthumor = язык и юмор : пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. М. : ВЛАДОС, 1998. 311 с.
4. Зализняк А. А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 20—45.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 295 с.
6. Миловская Н. Д. Семантика комического. Языковой бытовой анекдот : (на материале немецкого языка). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 137 с.
7. Сковородников А. П. О понятии и термине «языковая игра» // Филол. науки. 2004. № 2. С. 79—87.
8. Соколова Н. С. Лингвокогнитивный анализ текстов типа «joke» : (на материале англоязычного юмора) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 175 с.
9. Macha J. Sprache und Witz. Die komische Kraft der Wörter. Bonn : Dümmler Verlag, 1992. 124 S.

ББК: 81.432.1-4

Т. А. Таганова

НОВЕЙШИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Современные европейские языки меняются в большей степени, чем когда-либо. Это легко объяснить тем, что в связи с появлением и развитием новых технологий процесс межкультурного общения становится гораздо более доступным. Нельзя не заметить влияния современных политических и социальных процессов, таких как глобализация, возникновение единого европейского пространства, единой европейской валюты. Представители разных культур сегодня вынуждены общаться больше, поскольку территориальные границы становятся в значительной мере условными.

Все перечисленные процессы, несомненно, воздействуют на лингвистическую картину современного мира. Так, в частности, в языках появляется весомое количество заимствованной лексики, которая оказывается вполне

© Таганова Т. А., 2010

понятной представителям разных культур. Многие заимствования остаются окказиональными и живут в языке недолго; другие регистрируются словарями национального языка, становясь базовыми, а значит понятными широкому кругу иностранцев [2].

Русский язык всегда был источником заимствования для других европейских языков. Так, русские заимствования приходят в английский язык уже в XVI—XVII веках (*cossack, copeck, rouble, samoyed, shaman, tsar*) [5]. Однако несопоставимо большее количество русизмов в английском языке относятся к советской эпохе. Многие из них, как правило, не нуждаются в комментариях и пояснениях в силу своей общедоступности. Сегодня такие заимствования, как *agitprop, apparatchik, bolshevik, Comintern, commissar, commissariat, Leninism, Menshevik, Politburo, cosmonaut, Mir, Sputnik*, включаются в значительную часть словарей английского языка большого формата [5] несмотря на то, что практически все эти понятия стали уже устаревшими [8, с. 14].

Какие же заимствования из русского языка особо актуальны сегодня? Вероятно, следует говорить не столько о заимствованной лексике, сколько о *ксенонимах*.

Термин «ксеноним», впервые предложенный В. В. Кабакчи, обозначает все иноязычные, «чужие» языковые реалии. Это — «чужая» безэквивалентная лексика, способная дать представление об особенностях «чужой» культуры. Наряду с базовыми и специальными ксенонимами, регистрируемыми словарями малого и большого объема [1, с. 562—563], это также и окказиональные единицы, не являющиеся «словарными», введенные в *текст* для придания ему некоего национального колорита. Заимствование же представляется как нечто более устойчивое, общеизвестное, кодифицированное, закрепленное словарями национального языка.

Колоссальные перемены в обществе привели к укреплению роли России на международной политической, экономической, образовательной арене. Падение «железного занавеса», несомненно, способствовало всплеску интереса к России постперестроечного времени. В связи с социально-политическими изменениями, происходящими в российском обществе на рубеже XX—XXI веков, в английский язык приходит ряд ксенонимов, представляющих собой осмысление процессов, характерных или ставших особо актуальными для новой России. Развитие академических и профессиональных программ обмена, приток в Россию многочисленных экспатриантов и, как следствие, возникновение прессы о России на английском языке, растущее количество русских иммигрантов в англоязычных странах, издание путеводителей по России, книг и фильмов о России — все эти обстоятельства не могли не вызвать особый интерес к русской культуре.

Наряду с вполне традиционными заимствованиями, отражающими особенности «русского национального характера» (*dusha, toska, intelligentsia*), русской национальной кухни (*blini, kasha, ikra, borsch, beluga, okroshka, kvas, svekolnik*), русской национальной одежды и других атрибутов «русскости» (*kaftan, karakul, lapti, balalaika*), в последнее время в англоязычной прессе и документации все чаще можно встретить русизмы, описывающие:

— российскую систему образования: *dnevnik, semester, kafedra, dotsent, kandidat nauk, doctor nauk* (эквивалентов этим званиям и степеням в англоязычном мире нет, именно поэтому соискателям многочисленных грантов предлагается указывать данный вариант):

«*This program is for scholars who have **kandidatskaya** degree in Russia or higher academic level (doctorate and over)*» (сайт программы Fulbright в России [12]);

— предметы и явления бытового характера: *marshrutka, rynek*:

«*“But not all of the multi-storey garages are conveniently located”, he said. “In any case, tearing down all the **rakushkas** wouldn’t solve the problem, it would only cause a lot of indignation, litigations and a decline in the authorities’ popularity”*» (*The Moscow News*. 2010. № 1);

— территориальное деление, географические объекты: *oblast, raion, krai, prospect, ulitsa*:

«*Once again this year will see a repeat of last year’s successful “videopodarok” installation. This time round the event is to be held on Pushkinskaya Ploshchad*» (*The Moscow News*. 2009. № 49);

— явления, описывающие новое государственное устройство, в том числе бюрократические институты и процедуры: *spravka, propiska*:

«*The Central Bank has canceled the requirement for banks and money-changers to issue a “**spravka**” to their customers. What does this mean for nonresidents when taking money out of Russia or depositing it in a bank? The Central Bank has canceled the requirement because the **spravka** proved ineffective at tracking foreign currency flows, since many currency exchange places covertly sold fake receipts*» (*The Moscow Times*. 2004. March, 16).

Часто встречаются аббревиатуры:

«*Walk past the monument and under the monorail to enter the **VVTs**, a vast collection of buildings, lakes and gardens which began life in 1939 as an agricultural exhibition*» (*The Moscow News*. 2010. № 1).

Может показаться, что ксенонимы-русизмы, упомянутые выше, всегда существовали в языке в том же значении. Это не совсем так. Именно с конца 90-х годов многие из этих лексем регулярно заимствуются для обозначения реалий *новой* страны. Даже если *слова* существовали ранее, они не всегда обозначают те же *понятия*. Это относится преимущественно к таким сферам, как бюрократические процедуры, системы здравоохранения и образования, а также ко всем тем областям, которые претерпели значительное реформирование.

Таким образом, представляется логичным, что под ксенонимами постперестроечного времени следует понимать не только те лексемы, которые возникли непосредственно в это время, но также большой слой лексики, являющейся актуальной и «*переосмысленной*» в конце XX — начале XXI века.

Каковы тенденции в отражении этой лексики в современных справочниках?

К сожалению, подавляющее большинство словарей современного английского языка продолжают включать в словник лексемы, ставшие устаревшими в русском языке (*agitprop, Stakhanovism, commissar*). Вероятно, это обстоятельство еще раз доказывает интерес Запада к истории и культуре СССР. Однако имидж России в современных справочных изданиях продолжает оставаться вполне традиционным. Почти обязательно в справочниках находим: *balalaika, beluga, borsch, cosmonaut, chernozem, Kalashnikov, karakul, samovar, vodka, troika, ushanka* [5, 6, 7, 9].

Несомненно, многие из этих понятий являются важными для российской культуры и сегодня, однако некоторые словарные статьи требуют ссылки на их культурологический, традиционный, устаревший или исторический характер.

Приведем пример:

«**samovar** <...>A noun [count]
a large metal container on short legs, used in Russia for making tea»
[9, с. 1255].

Очевидно, что в силу динамичности нашей жизни и благодаря достижениям НТП это действительно очень русское понятие вряд ли можно назвать привычным атрибутом современной российской жизни. Слово явно нуждается в пояснении, в маркерах, например *Hist, Cult* или *Old-fashioned*.

В целом среди 63 ксенонимов, зарегистрированных словарем «*Collins English Dictionary and Thesaurus*» [5] только 25 были названы русскоязычными пользователями-студентами лексическими единицами *современного* русского языка.

Несмотря на это, новые заимствования появляются в словарях современного английского языка. Так, в приложении к [7] находим:

«**burovaya** n. Russian screw-drill oilrig
That is why we have come here, to the crow's nest of an ice-encrusted burovaya out on the western Siberian tundra, the start of Abramovich's cash pipeline (The Guardian)» [7, p. vii].

Это заимствование вряд ли можно назвать окказиональным. За последние десятилетия Россия стала крупнейшим экспортером нефти, поэтому заимствование лексики, относящейся к этой сфере, вполне предсказуемо.

Среди лексем, появившихся или изменивших свое значение в постперестроечную эпоху, только несколько ксенонимов становятся базовыми в английском языке: *oblast, дума, FSB, the Kremlin* (в значении «правительство»). Эти лексемы уже включены в большое количество словарей современного английского языка, например:

«**The Kremlin** is also used to refer to the central government of Russia and of the former Soviet Union.
The Kremlin is still insisting on a diplomatic solution to the crisis» [4].

Быстрее, чем печатные словари, на изменения в языке реагируют интернет-проекты, такие как, скажем, *OneLook Dictionary* [10], *Free Dictionary* [11]. Эти интернет-ресурсы содержат следующие статьи или перекрестные ссылки на них: *marshrutka, ryнок, oblast, krai*. Необходимо отметить, что некоторые из них содержат ссылки на интернет-энциклопедию «Википедия» [13].

«Википедия» заслуживает отдельного упоминания. Несомненно, отношение к «свободной энциклопедии, которую может редактировать каждый», как сказано на заглавной странице, может быть весьма скептическим, однако для очень многих именно этот ресурс становится источником самой разнообразной информации. Словарная статья, как правило, включает в себя лингвистическую, историческую, культурологическую справку, большое количество аудиовизуального материала. Эта тенденция совмещать в одном источнике черты энциклопедических и лингвистических словарей будет укрепляться с развитием новых информационных технологий, которые позволяют продемонстрировать пользователю максимальный объем данных в одной словарной статье. Сегодня лексикография действительно становится «reference science» [3], а деление справочных изданий на лингвистические и энциклопедические — устаревшим.

«Википедия» содержит следующие словарные статьи: *tsentralny rynek, kandidat nauk, marshrutka, electriczka, demokratizatsiya, FSB, MVD, propiska, spravka, krai, okrug, dedovshchina, GUM* и др.

Конечно, в основном перечисленные ксенонимы не могут называться базовыми. Они в большинстве своем остаются окказиональными и регистрируются лишь специальными словарями [1].

Несмотря на тот факт, что все большее количество русизмов оказывается понятным англоязычному пользователю, не многие из них попадают в справочники. Объясняется это тем, что лексикографам требуется время, чтобы «отследить» слово, оценить, действительно ли оно должно быть зарегистрировано в словаре национального языка. Именно поэтому интернет-ресурсы сегодня становятся важным индикатором того, как развиваются современные языки. Глобальная сеть может во многом предопределить, какие именно слова в скором времени попадут в печатные издания, став общедоступной лексикой. В настоящее время лексикография все больше становится дескриптивной, а это значит, что язык отражается в печатных изданиях в его реальном состоянии. Остается надеяться, что многие ксенонимы, появившиеся после перестройки, в недалеком будущем станут объектом справочных изданий, постепенно вытесняя устаревшие русизмы.

Библиографический список

1. Кабакчи В. В. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб. : Союз, 2002. 576 с.
2. Кабакчи В. В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция : (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация : сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной. СПб. : Тригон, 2005. Ч. 2 : Текст и перевод в когнитивном аспекте. С. 164—175.
3. Карпова О. М. Лексикография или reference science? Справочники нового поколения // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2006. Вып. 1. С. 82—92.
4. Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners on CD-ROM. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2001. Далее: CCEDAL.
5. Collins English Dictionary and Thesaurus. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2006. 1504 p. Далее: CEDT.
6. Collins English Dictionary and Thesaurus. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2002. 1424 p. Далее: CEDTh.
7. Collins Pocket English Dictionary. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2005. 664 p. Далее: CPED.
8. Карпова О. М. Modern Trends in Lexicography with Special Reference to English and Russian Dictionaries // Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Междунар. школы-семинара, Иваново, 12—14 сент. 2007 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. С. 13—17.
9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2006. 1692 p. Далее: MEDAL.
10. OneLook Dictionary. URL: <http://www.onelookdictionary.com> (дата обращения: 28.01.2010).
11. The Free Dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 28.01.2010).
12. The Fulbright Program in Russia. URL: <http://fulbright.ru> (дата обращения: 28.01.2010).
13. Wikipedia Encyclopedia. URL: <http://www.wikipedia.org> (дата обращения: 28.01.2010).

ББК 81.411.2-4:81.411.2-3:81.411.2-33

А. А. Хуснутдинов

**ОПИСАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В «СЛОВАРЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. К. ГРОТА
(Том I, А—Д, 1895)**

Характеризуя толковые словари русского языка, созданные в XVIII—XIX веках («Словарь Академии Российской» [3], «Словарь церковнославянского и русского языка» [5] и др.), В. В. Виноградов отмечал: «Толковые словари русского языка отрываются от живого процесса литературного развития. Казалось, главной задачей академических словарей стала реставрация старого литературного языкового наследия. Правда, необходимость обособления церковнославянского словаря от русского к середине XIX в. была очевидна всем. Даже в стенах Академии наук раздавались голоса (например, П. С. Билярского, И. И. Срезневского), призывавшие к работе над нормативным словарем живого литературного языка» [1, с. 223—224]. «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота представляет собой попытку практической реализации этой идеи.

Задачу создания нормативного словаря живого литературного языка ясно осознавали и ставили перед собой и сами составители¹: «Настоящее издание имеет предметом собственно общеупотребительный в России литературный и деловой язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова; из церковнославянского же и древнерусского сохраняет оно только слова, которые употребляются в современном литературном языке. <...> Назначение словаря быть истолкователем живого языка не исключает из него, однако ж, таких слов, которые хотя и вышли из употребления, но встречаются в сочинениях, относящихся к обнимаемому словарем периоду» [4, с. VI]; «Настоящее издание словаря имеет по преимуществу практический характер. Отделение русского языка и словесности имело в виду дать словарь, который отвечал бы потребностям образованного класса людей вообще, но к которому мог бы прибегать с пользою и литератор, и ученый» [4, с. XIII].

Оценку того, в какой степени составители первого тома словаря справились с поставленной задачей, дает «История русской лексикографии»: «Словарь русского языка, т. I, А—Д, 1891—1895 гг., гротовской редакции, явился новым этапом в развитии русской лексикографии. Историческая ценность и значение словаря состоит в том, что он представляет первую весьма удачную попытку создать словарь русского литературного языка толкового типа, опирающийся прежде всего на образцы произведений художественной литературы конца XVIII и XIX вв.» [2, с. 239].

Собранные в первом томе «Словаря русского языка» под редакцией Я. К. Грота лексико-фразеологические материалы и использованные в нем способы лексикографического описания этих материалов представляют несомненный интерес для истории становления и развития русского литературного языка и отечественной лексикографии. Характеристика этого словаря важна также для описания истории фразеологической науки и фразеологии (о роли словарей в становлении фразеологии и фразеологии см. в нашей статье [6]).

© Хуснутдинов А. А., 2010

¹ Здесь и далее цитаты из изданий XIX века приводятся в соответствии с современными нормами правописания.

В первую очередь необходимо обратить внимание на то, что в «Словаре русского языка» по сравнению с предыдущими академическими словарями значительно расширен языковой материал. Это касается как объема включенной в словарь фразеологии, так и полноты ее описания. Для сравнения приведем только два примера из материалов словаря 1847 года (а) и словаря под редакцией Я. К. Грота (б): а) «**АДМИРАЛЬСКИЙ**, ая, ое. *пр.* Относящийся к адмиралам. *Адмиральский чин, флаг, мундир, корабль*» [5, т. 1, с. 3] и б) «**Адмиральский**, ая, ое, от с. адмирал. *Адмиральский чин, — мундир, — корабль, — флаг.* || *Адмиральский час*, шуточн. Время выпить водки, закутить. При Петре В. заседания коллегий, в том числе и адмиралтейств-коллегии, оканчивались в 11 часов; члены их шли обедать. Того же обычая держался и сам Петр, обыкновенно выпивал наперед рюмку анисовки» [4, с. 15]; а) «**БОГ**, а, с. м. 1) Предвечное и всемогущее, совершеннейшее существо, все создавшее и о всем промысляющее. *Бог всесилен и вездесущ.* 2) Ложное божество языческое. *У язычников было много богов. — Слава Богу!* Благодарственное восклицание. — *Бог весть. Бог знает.* Означает изъявление недоумения или сомнения. — *Ей Богу. Видит Бог.* Род божбы. — *Бог подаст*, зн. Отказ просящему милостыни. — *Бог посетил.* Говорится в случае постигшего кого-либо несчастья. — *Бог в помощь. Бог на помощь.* Означает приветствие трудящемуся. — *Бог с тобой*, зн. а) желание счастливого пути; б) прощение обидевшему; в) напоминание, когда кто-либо поступает или говорит неделно. *Бог с тобой, что ты такое мелешь? Опомнись! Бог с тобой.* — *Дай Боже! Дай Бог!* Означает изъявление желания. — *Ради Бога*, зн. прошение, увещание. *Ради Бога, помоги мне. Ради Бога, перестань мотать.* — *С Богом*, зн. напутствие; желание счастья и успеха. — *Чем Бог послал.* Оговорка угощающего других; т. е. я угощаю вас тем, что у меня есть; не взыщите» [5, т. 1, с. 72] и б) «**Бог**, га, м.; *зв.* Боже и Бог. *Мн.* боги, богов, ам и т. д. 1. Единое предвечное и всемогущее Существо, Творец и Вседержитель мира, истинный Бог. *Бог есть чисто жизненное начало; кроме Бога нет и никогда не будет другого источника жизни; Он один — источник добра и силы.* Филарет Моск. Слова и речи. *Слава Богу. Благодаря Бога*, благодарственные восклицания. || *Бог весть. Бог знает*, выражение недоумения или сомнения. || *Ей Богу. Видит Бог. Как Бог свят. Перед Богом*, удостоверение в сказанном. || *Бог подаст*, отказ просящему милостыни. || *Бог посетил* говорится в случае постигшего кого-либо несчастья. || *Бог с тобой*: а) желание счастливого пути; б) прощение обидевшему; в) напоминание, когда кто-либо поступает или говорит неделно. *Бог с тобой, что ты делаешь? Опомнись, Бог с тобой.* || *Бог с ним*, отказываюсь от него. || *Ну вас к Богу.* || *Бог мой! Ах, Боже мой!* восклицание, выражающее удивление, горе, досаду и т. п. || *Дай Боже! Дай Бог!* изъявление желания. *Дай Бог царство небесное бедной!* Никит. Бурлак. *Ради Бога. Бога ради*, прошение, увещание. || *Сохрани Бог. Оборони бог. Упаси Бог*, желание, чтобы что-нибудь не случилось. || *С Богом*, напутствие; желание счастья и успеха. || *Чем Бог послал*, оговорка угощающего других; т. е. не взыщите. *Мы слезли с лошадей и стали обедать, чем Бог послал.* Путеш. в Арзр. *Бог в помощь. Бог на помощь. Бог помочь. Помогай Бог*, приветствие трудящемуся. *Бог помочь вам, друзья мои, В заботах жизни, царской службы...* Пушкин. *Бог даст*, выражение надежды. Поговорки: *Без Бога ни до порога.* || *Голенький ох, а за голеньким Бог.* || *До Бога высоко, до царя далеко.* || *Все под Богом ходим, или: живем.* || *На Бога уповай, а сам не плошай. Зачем тебя Бог принес?* (зачем ты сюда явился)? Кап. д. *Как вас Бог милует* (каково вам)? Тж. *Бог тебе*

судья (выражение упрека). Тж. *Бог тебя знает* (неизвестно, кто ты). Тж. *Бог не выдаст* — *свинья не съест*, послов. *На Бога положишься, так не обложешься*, посл. Форма *Боже* в зв. пад. принадлежит к усл. флексии; равным образом и в предложн. пад. оттуда же заимствуется форма в *Бозе*, когда о скончавшихся членах Императорского Дома говорят: *в Бозе почивающий, ая*, или: *в Бозе почивший, ая*. 2. Языческий бог; вообще: воображаемое совершеннейшее существо. *Греки считали Олимп жилищем богов*. Ты, Моцарт — бог, и сам того не знаешь. Моц. и Саль. *Земные боги*, наделенные высшей властью люди. Восстал Всевышний Бог, да судит Земных богов во сонме их. Держ. На лире скромной, благородной Земных богов я не хвалил. Пушкин. Ответ на выз. 3. Изображение языческого бога, кумир, истукан. В каком-то капище был деревянный бог. Кр. Оракул. Но мрамор сей ведь бог. Пушкин. Чернь. 4. *Поэтическое вдохновение (наитие Аполлона, бога поэзии). *Но уже импровизатор чувствовал приближение бога*. Пушкин. Егип. ночи. 5. Вообще: олицетворение чего-либо святого и совершенного. Поэзия есть бог в святых мечтах земли. Жук.» [4, с. 226—227].

Таким образом, общая установка составителей словаря на максимально возможную полноту охвата словарного состава русского литературного языка² в полной мере относится и к фразеологии. В словаре нашли место все виды устойчивых сочетаний: от идиоматических выражений, составных терминов, пословиц и поговорок до цитат и речений афористического характера.

Устойчивые выражения русского литературного языка в словаре Грота описываются как особые случаи использования слова, выступающего в качестве опорного в составе таких сочетаний. Поэтому фразеологизмы объединяются и описываются в словарных статьях на те лексические единицы, которые могут рассматриваться как главный, опорный, господствующий компонент в составе устойчивых сочетаний. При этом обращается внимание на особенности значения и употребления как данного опорного слова, так и выражения в целом³.

В соответствии с этими установками фразеологические единицы в словаре получают разработку при слове, к которому генетически восходит тот или иной компонент, входящий в их состав, например: «**Амбиция**, и, ж. (лат. *ambitio* честолюбие). Чувство чести, самолюбие. *Вломиться в амбицию (простор.)*, обидеться, заявить неудовольствие. *На грош амуниции, на алтын амбиции*, погов. *Задеть мою амбицию я не позволю вам*.

² «В установленных пределах содержания словарь стремится к возможной полноте, приумножая свой состав словами, недостающими в прежнем издании, а также неологизмами, которыми в последние десятилетия обогатилась русская речь по естественному ли ходу развития языка, или вследствие многочисленных преобразований во всех почти отраслях общественного и государственного быта» [4, с. VII].

³ Естественно поэтому, что в предисловии к словарю характеристика фразеологического материала попадает в раздел «Оправдательные примеры»: «Примеры состоят: 1) либо только в пояснительном сочетании слов, когда, напр., при слове *великий* приводятся выражения: *великое пространство, великий народ, великий дух*, или когда, напр., при слове *водить* помещаются обороты: *водить кого за нос, водить взоры, водить знакомство*, или при слове *ведро*: *носить ведрами воду, лить как из ведра*, т. е. идет проливной дождь, 2) либо в более обширных фразах, заимствованных из писателей, как прозаиков, так и поэтов, или из обыкновенной речи. <...> Рядом с примерами этого рода помещаются нередко народные поговорки и пословицы. Наконец, и примеры из обыкновенной разговорной речи не могут быть отвергаемы, когда они проходят через цензуру общества ученых и литераторов, между которыми есть и писатели с авторитетом» [4, с. XI—XII].

П. Каратыг.» [4, с. 38]; «**Баня**, и, ж. 1. Место, где парятся и моются. *Кромер о древних пруссах пишет, как они любили в банях париться. Лом. Баня с дымовой трубой называется белою, курная же баня — черною.* Даль. Задать *баню, сделать строгий выговор, разбранить, распечь; высечь розгами. 2. *Церк.* Омовение. *Баня пакибытия*, очищение. 3. *Хим.* Прибор для нагревания веществ посредством нагретой воды, воздуха и т. д. *Водяная, воздушная, песчаная баня.* 4. *Стар.* Теплый минеральный ключ. Орден бани (order of the bath), один из высших английских орденов, учрежденный в 1399 году Генрихом IV и получивший название от обряда омовения, первоначально предшествовавшего принятию ордена» [4, с. 65].

Такой способ описания устойчивых выражений на первый взгляд не отличается от описания переносных значений слова, ср. с приведенными выше примерами: «**Битый**, ая, ое; — бить, а, о, *страд. прич. гл.* бить. *Битый человек*, много испытавший. *за одного битого двух небитых дают*, погов. || *Битая скотина, битые куры*, зарезанные для употребления в пищу. || *Битая посуда, битые стекла*, разбитые. || *Битая дорога*, торная, по которой много ездят. || *Битое мясо*, род жареного кусками, которое перед жареньем бьют деревянными молотками для размягчения. || *Битые сливки*, взбитые в пену. || *Битый пряник*, бурая толстая коврижка. || *Битая бумага*, сбитое в тесто папье-маше, состав из бумажной массы, смешанной с клеем. || *Битый час*, целый, полный час. || *Одни и те же битые и перебитые разговоры* (т. е. избитые, от повторения наскучившие). Фрег. Палл.» [4, с. 188—189]. Ср. также в одной словарной статье: «**Гладить**, глажу, гладят, д. 1. (**сгладить**). Делать гладким; выравнивать. *Гладить камень.* || **Гладить слог*, придавать окончательную отделку слогу, изложению. 2. (**выгладить**). О тканях: разглаживать утюгом или чем-либо другим; утюжить. *Гладить белье.* 3. (**погладить**). Проводить слегка рукою по чему-либо. *Гладить дитя. Гладить кошку, собаку.* || *Левая рука гладила молодецкие усы.* Гог. Страшн. мечь. **Гладить по головке*, потакать, баловать. **Гладить против шерсти*, делать или говорить кому что-либо неприятное. **Погладить дорогу*, выпить на прощанье при проводах» [4, с. 806]. Однако описание фразеологии в словаре имеет целый ряд отличий, связанных со стремлением составителей дать по возможности полное и точное описание каждой фразеологической единицы, включенной в словарь. Укажем на эти особенности.

В первую очередь необходимо отметить, что некоторые фразеологические единицы получают разработку в особой словарной статье. Обычно это случаи, когда слово, избранное составителями в качестве опорного, употребляется только (или чаще всего) в составе этого выражения, например: «**Бельмес**, а, м. (тур. = ничего не знает). Употребляется только в выражении: *ни бельмеса не смыслит* и т. п. || *Что же ты молчишь: али бельмеса по-русски не разумеешь?* Кап. д.» [4, с. 173]; «**Гугу**, междом., употребляемое только с отрицанием *ни*: *ни гугу!* ни слова. Пока они [два мужика] судили да рядили, <...> Он [третий мужик] ни гугу — и щи и кашу, все приел. Кр. Три мужика. Повариха и ткачиха Ни гугу. Пушк. Ск. о ц. Салтане» [4, с. 935]; «**Ариаднина** нить (по имени Ариадны, которая помогла Тезею выбраться из лабиринта, дав ему клубок ниток). *Афоризмы Платнеровы* <...> *человеку, хотящему пуститься в лабиринт философских систем, могут служить Ариадниною нитью.* Письма р. пут. *Астрон.* Венец *Ариаднин*, созвездие в северном полушарии» [4, с. 65]; «**Гордиев** узел. 1. В древности у Фригийского царя Гордия, в городе Гордиуме, была телега, к дышлу которой

ярмо было прикреплено узлом, завязанным так мудрено, что его невозможно было распутать. Оракул обещал владычество над всей Азией тому, кто развяжет этот узел. Александр Великий, не быв в состоянии сладить с ним, рассек его мечом. 2. *Запутанное дело, неразрешимое затруднение. *Рассечь гордиев узел*, одним решительным действием выйти из трудного положения. ...*Она [Вера] не в силах рассечь своего гордиева узла*. Обрыв» [4, с. 861]. В таких случаях указываются этимологические сведения, которые вместе с примерами применения выражения в речи дают пользователю достаточно полное представление о форме, значении и употреблении данного фразеологизма.

С другой стороны, способ помещения устойчивого выражения при каком-либо слове, являющемся компонентом фразеологизма, приводит к тому, что при одном слове (в одной словарной статье) оказываются помещенными целые ряды, часто значительные, фразеологических единиц, например: «**Глаз**, а, м. предложн. в глазу и глазе. Мн. глаза, род. глаз, дат. глазам и т. д. 1. Орган зрения, око. *Зоркие, острые, тупые, подслеповатые, бесстыжие, впалые глаза. Глаза навывкате. Глаза с поволокой. Делать масляные глаза*, подлещаться. *Потупить глаза*, опустить глаза в землю. *Поднять глаза*. || **Пялить, вытаращить, выпучить глаза. Не спускать, не сводить с кого или чего-либо глаз*, смотреть беспрестанно и пристально на кого или что-либо. Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. Горе о. у. *Глядеть или смотреть кому в глаза*, стараться угодить. ...*Когда издатель [газеты] будет ловить все движения толпы, глядеть ей безостановочно в глаза...* Гог. Письма. *Глаза шире брюха* (погов.), о жадном человеке, который набирает себе более, чем может съесть. ...*Глаза завидущие, руки загребущие* (погов.). **Распустить глаза*, смотреть в одно время на многие предметы с растерянностью. || **Открыть кому-либо глаза*, показать настоящую правду; вывести из заблуждения. *У него глаза открылись*, он узнал настоящую правду, вышел из заблуждения. || **Налить глаза* (простон.), напиться допьяна. **Потерять глаза*, притупить, испортить зрение. || **Протереть глаза чему-либо*, расточить. *Он протер глаза денежкам — всему своему имению*. || **Глаза разбегаются*, говорится о нерешительности в выборе или в отдавании преимущества чему-либо. || *Свой глаз* или просто *глаз*, внимание, присмотр. *Свой глаз алмаз, а чужой стекло. Свой глаз лучше чужого. У семи нянек дитя без глазу* (посл.). Ждем друга — нужен глаз да глаз. Горе о. у. Хозяйки глаз повсюду нужен — Он вмиг заметит что-нибудь. Пушкин. *Сидеть, разговаривать с глазу на глаз*, вдвоем, наедине. || *Ни в одном глазе*, нисколько, нимало, ничуть. *Н. и М. едва держались на ногах от усталости, а С. хоть бы в одном глазе*. Тург. Новь. *Глаз с глазом не сошелся*, не мог заснуть. *Хоть глаз выколи*, о потемках. *Так темно, что хоть глаз выколи*. **Не показывать глаз*, не являться, отсутствовать. *Видеть своими глазами*, быть самому свидетелем какого-либо события. || *Окинуть глазом*, обозреть вскорости. *На площади было такое множество народа, что глазами не окинешь*. || *Мерить глазами*, измерять что-либо взглядами наудачу, без орудия. *Хлопать глазами*, быть озадачену, слушать невнимательно; не понимать, не знать чего (из замешательства). *Съесть глазами*, устремить взор на какой-либо предмет, с желанием иметь его или уничтожить. *Глазами*, кажется, хотел бы всех он съесть. Кр. Волк на пс. *Кто старое вспомнет, тому глаз вон* (посл.). **Давать волю глазам*, засматриваться нескромно. **Не верить своим глазам*, сомневаться в том, что видишь. || *Говорить в глаза*, говорить не заочно, прямо, не обинуясь. *Я скажу ему в глаза, что он кругом виноват*. ||

Смеете говорить мне такие глупости в глаза. Обрыв. *Лгать в глаза, лгать нагло, бесстыдно. В глаза не видал, совсем не видал. Не знать и в глаза, вовсе не знать кого-либо. || Аза в глаза не знает (погов.), совсем ничего не знает; совершенный невежда. || Колоть в глаза. Утыкать глаза, упрекать. Сделал мне один раз добро, да тем беспрестанно в глаза колет, глаза утыкает. || Забегать в глаза, искать в ком-либо милости; стараться понравиться, чтобы получить желаемое. *Лезть в глаза, неотступно являться к кому-либо. Смотреть во все глаза, с величайшим вниманием, пристально. || Отвести глаза, отвлечь внимание. Щурить глаза. Зажмурить глаза, зажать. От удовольствия [Манилов] почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем. Мертв. д. Закрывать кому глаза, присутствовать при его смерти. Не в бровь, а прямо в глаз (погов.), сказать напрямик или метко, хотя и без умысла. Пускать пыль в глаза, прельстить ложным блеском. || В глазах: а) на виду у кого-либо; в присутствии. Часы в глазах пропали. В глазах деревня сгорела, он не заметил, что случилось в его присутствии. В глазах обмануть, обмануть, не давши заметить обмана; б) по чьему-либо понятию, на чей-либо взгляд. Надлежало думать, что Борис немедленно возложил на себя венец со всеми торжественными обрядами, которые в глазах народа освящают лицо властителя. И. Г. Р. XI. За глаза, более нежели надобно; с излишком. Этого за глаза нам станет, нам довольно. || За глаза говорить, говорить заочно, не прямо в глаза. За глаза говорить одно, а в глаза другое. || За глазами, заочно, в отсутствие кого-либо. Лукавый человек в глазах льстит, а за глазами поносит. Это за глазами делается. || На чей-либо глаз. На чьи-либо глаза, как кому представляется; на чей-либо глазомер. На мой глаз эта баиня вышиною в тридцать сажен. || На глаза, перед кем-либо. Не пускайте его мне на глаза. || Не смей на глаза мне показываться. Пушкин. Бар.-кр. На глазах, беспрестанно на виду у кого-либо; под присмотром. Он всегда у меня на глазах. Дитя выросло на глазах родительских. || [Димитрий] возрастал на глазах всего Углича. И. Г. Р. XI. Из глаз пропасть, уйти из виду; скрыться. Но чтобы дела мне не выпустить из глаз, То выслушай. Кр. Плотичка. Лишь берег вон из глаз, как буря поднялась. Тж. Паст. и море. Пропускать мимо глаз, потворствовать, притворяясь не замечающим. По глазам, соответственно с зрением. Эти очки мне по глазам. || Узнать, отгадать по глазам, — из глаз, посмотрев в глаза, узнать мысли другого. || Иметь всегда перед глазами, обращать всегда внимание на что-либо; не выпускать из памяти. || При моих глазах, при мне; в моем присутствии. Я рассказываю вам не слышанное, а то, что случилось на моих глазах. || С глаз долой! прочь от меня; не хочу тебя видеть. Сбыть с глаз, прогнать от себя. Не спускать глаз с кого. Не спускать глаз с чего, иметь неусыпный надзор; не отпускать от себя. Усердная нянька не спускает с ребенка с глаз. || Верный глаз, хороший глазомер. || *Морской глаз, безошибочность в глазомере на море; способность одним взглядом оценивать достоинства и недостатки корабля; вообще: правильный образ суждения о предметах, принадлежащих к морскому делу. 2. *Простор. Действие взгляда, изурочивающее или наносящее вред. У него глаз не хорош. Простой народ верит в глаз и в порчу, т. е. в действие дурного глаза или взгляда. Ребенок захворал с глазу, т. е. от недоброго взгляда. Бывает добрый и дурной глаз. (Сравн. сглазить). || У духовных лиц, по приметам Фимушки, глаз был дурной. Тург. Новь. 3. Узор, состоящий из кружков, сосредоточивающихся к одному пятну. Бабочка Павлиний глаз. <...> 4. Разукрашенная звезда на

длинном шесте посреди палубы, ставимая на козлах для отличия от прочих барок. 5. *Горн*. На металлоплавильных заводах: отверстие фурмы (чугунной трубы в плавильной печи), через которое вдуваемый мехами воздух входит в печь. 6. Растения: 1) Глаз воловий, *Viphtalmum*. *Воловье око*. 2) Глаз вороний, *Paris quadrifolia*. *Воронье Око*. *Вороньи ягоды*. 3) Глаз чижев или ершов. *Capsella*. *Bursa pastoris*. *Сумочник*. 7. Глаза, з, мн. Паспорт, на языке бурлаков, а также на языке московских жуликов и петербургских мазуриков. На Горах [4, с. 809—811]; **Давать**, даю, дают (*Стар.* даваю, давают); **дать**. 1. д. что кому, чему. Вручать, доставлять, сообщать, вверять, жаловать, уступать, ссужать. *Давать деньги взаймы, в долг, в ссуду. Давать кому отчет в чем или о чем.* || *Митрополит благословил державного младенца властвовать над Россиею и давать отчет единому Богу.* И. Г. Р. VIII. *Давать уроки, преподавать.* || *Сколько доходов дает имение, сколько приносит?* || *Давать ход*, двигать, приводить в движение. [Самодержец] движением перста дает ход громадам. И. Г. Р. VIII. *Дать ход прошению, бумаге, делу. Давать ход кому, подвигать кого по службе. Дать сироте воспитание. Дать согласие, позволение, совет, ответ.* Мужайся, стой и дай ответ. Лом. Из кн. Иова. Кто грабить дал вам позволение? Кр. Слон на воев. *Дайте мне случай оказать вам услугу. Дай мне весточку о себе. Дать другой оборот делу*, изменить ход дела. *Дать кому место*: а) посторониться, уступить свое место другому; б) определить кого в должности. *Дать место статье в каком-нибудь издании*, поместить, напечатать. *Дать дорогу*, посторониться, чтобы пропустить идущего или едущего. *Дать время*, не торопить, обождать. *Дай срок*, повремени (иногда же в виде угрозы). *Дать волю*: а) освободить; б) позволить делать что-либо. *Дать волю слезам*, не удерживать слез. *Дать волю рукам. Языком болтай, а рукам воли не давай* (погов.). || *Я дам голову на отсечение, если это неправда. Дать на выбор*, предоставить выбрать. *Дать пощечину. Дать тумака*, ударить кулаком. *Дать пинка*, толчок ногою. ...Иногда даже давали ему пинка. Тург. *Малин. вода. Дать поцелуй*. Дают бесчувственным устами Последнее лобзанье. Жук. *Дать клятву*, поклясться. *Дать присягу*, присягнуть. *Бог дал ему сына*, у него родился сын. *С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет*, судя по наружности, нельзя считать его старше. (Лерм. Геройн. вр.). *Бог даст*, выражение надежды. ...*А нашим деткам еще лучше будет, Бог даст.* Тург. Однодв. Овс. *Бог даст* (или чаще: *подаст*), форма отказа просящему милостыни. *Даст Бог день, даст и пищу* (погов.), проживем как-нибудь. *Бог дал, Бог и взял*, погов. (из кн. Иова). *Давать и дать* в значении — делать, устраивать, употребляется в следующих выражениях: *Дать очную ставку* (юрид.), свести перед судом обвиняемого с обвинителем, чтобы проверить их противоречивые показания. *Давать показания на суде и на следствии. Давать руку* (простон.) при поручении неграмотного рукоприкладствовать за себя в делах. *Давать за руки*, отдавать на поручительство или по условию. || *Давать тон*, направлять, руководить. *Давать зарок*, давать обет не делать чего-либо. *Дать представление*, устроить зрелище. *Что дают сегодня на театре? В бенефис N. дадут новую оперу.* || *Давать обед, бал, пир* для приглашенных гостей. Давал три бала ежегодно. Евг. Он. Они давали вечера. Некр. Прекр. партия. *Давать понятие о чем-либо*, напр.: *эта картина не дает никакого понятия о действительности. Дать сражение*, вступить в сражение, сразиться. *Дать выстрел, залп*, выстрелить. *Дать промах, дать маху*, промахнуться, не попасть в цель. Тот сватался —

успел, а тот дал промах. Горе о.у. Уж не старик ли наш дал маху? Тж. *Не давать маху*, не пропускать случая, уметь пользоваться обстоятельствами. *Не давать спуску*, не прощать, быть взыскательным. *Дать кому что на слово*, на честь, на совесть, без расписки. *Дать чему-либо веру*, поверить чему. *Дать слово, дать обещание*, обещать. Мужаться слово я давал, Но страшно становилось мне. Некр. Суд. *Дать трещину, дать щель*, треснуть, образовать расселину. Кремнистый холм дал страшну щель. Держ. Водоп. *Дать депешу*, отправить телеграмму. *Дать кого-либо в обиду*, позволить обидеть. *Дать таску, потасовку*, побить, поколотить. *Дать зорю (простон.)*, строго наказать. Ну, теперь я дам зорю канальям своим людям. Недор. || *Дать тягу, дать стречка*, убежать. Я уже думал, что ты дал тягу в Одессу. Гог. Письма. || *Жид, стоявший за спиной Перфишки, хотел было дать стречка*. Тург. Конец Чертопх. || *Дать тыл*, обратиться в бегство. *Князя остяцкие дали тыл*. И. Г. Р. VIII. || *Дать хребет (стар.)*, то же, что дать тыл. *Ужасаются супостаты <...> дают хребет российскому войску*. Лом. *Дать лошади шпоры*, ударить шпорами. *Дать вожжи*, ослабить вожжи и тем дать лошади больше свободы. И дон Альфонс коню дал шпоры. Пушк. Альф. *Вася дал вожжи лошади*. Тург. Хорь и Калин. *Давать* (только в несоверш. виде) значит иногда предлагать, сулить, обещать. *Ему давали за дом столько-то, но он на эту цену не согласился*. 2. а) С неопр. накл. другого глагола. Позволять, допускать, не препятствовать, заставлять. *Дайте мне договорить*. Я не дам шутить или смеяться над собою, не позволю. *Дать себя обмануть*. *Дать знать*, известить, сообщить. Живи и жить давай другим. Держ. Гремисл. Страшный я грешник, но Бог мне покаяться дал. Жук. Рыц. Роллон. Конь добрый на крестце почти его [воз] понес, Катиться возу не давая. Кр. Обоз. *Давать себя знать*, показать свою силу, свое превосходство. *Власти ему не спускали, — при случае давали себя знать*. Тург. Чертопх. *Дать почувствовать, дать понять*, заставлять почувствовать, понять. б) повелит. накл. Давай, давайте перед неопр. наклоном другого гл. употребляется как приглашение к какому-либо действию: ну-ка, станем, начнем делать что-либо. <...> *Дай Бог*, как выражение пожелания с дополнением в род. падеже, неопр. наклоном или союзом *чтобы*. *Дай Бог ему здоровья и сил*. || *Дай Бог тебе счастливого пути*. || *Дай тебе Бог благополучно окончить это дело* или отрицательно: *Не дай Бог ссориться*. || *Дай Бог, чтоб это тебе удалось*. || *Дай-то Бог!* выражение сомнительной надежды. *Давай Бог*, желательно. || *Давай Бог ноги*, поспешил убраться. [Шалун] проворно смекнувши, что беда, давай Бог ноги. Жук. Капл. и сокол. *Ни дать ни взять*. <...> *Охотник Владимир говорил, ни дать ни взять, как провинциальный молодой актер*. Тург. Льгов» [4, с. 950—953].

Такой способ размещения фразеологического материала отвечает принятому в словаре «строго алфавитному» порядку расположения слов: устойчивые выражения помещаются в словарных статьях на слово, которое в этих сочетаниях используется в качестве одного из компонентов. Однако нельзя говорить, что фразеологический материал включается в словарную статью лишь в качестве «оправдательных примеров», призванных иллюстрировать возможность использования заголовочного слова в тех или иных контекстах и речевых ситуациях, в том числе и в составе устойчивых сочетаний разных типов. Фразеология в тексте словаря не только приводится в качестве иллюстраций к упот-

реблению слова, но имеет свою собственную лексикографическую разработку: фразеологизмы получают свое толкование, указываются их происхождение, сфера употребления, стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска, формы употребления, лексическая и грамматическая сочетаемость со словами в речи. Часто сами фразеологические единицы иллюстрируются цитатами из художественных текстов. Иначе говоря, фразеологические единицы в словаре описываются фактически по тем же параметрам, что и слово, ср.: «**Гнуть**, гну, гнуть; **загнуть**, **согнуть** <...>. Делать прямое кривым или наоборот; сгибать; образовывать из чего дугу, обруч, не ломая, а сводя концы постепенно. *Ветер гнет деревья*. || *Гнуть дугу, гнуть полозья, ободья*, делать их посредством гнутя, предварительно выпаривши. Оттуда пословица: *Гнет — не парит, переломит — не тужит*. || **Гнуть непареные дуги*, делать что-либо, предварительно не подготовивши, слишком быстро, круто, насильственно. А дуги гнут с терпеньем и не вдруг. Кр. Труд. медведь. *Бедность *гнет, а счастье дмет*, погов. *Гнуть спину, горб*, трудиться усиленно. **Гнуть спину, шею перед кем*, раболепствовать, унижаться. *Гнуть в дугу, в крюк*, притеснять. || *Его гнет в дугу, в крюк*, он страдает корчью или резью в животе. **Гнуть на свою сторону*, клонить, натягивать в свою пользу. **Гнуть колыхки*, балагурить, шутить, смешить. Будет бить тебя муж привередник, И свекровь — в три погибели гнуть. Некрас. *Тройка*. Не *гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи. Пушкин. Из Пиндем. *Согнуть в бараний рог*, жестоко утеснить» [4, с. 829]. Рассмотрим способы лексикографического описания различных сторон фразеологических единиц, которые используются в словаре.

Характеристика формальных свойств устойчивых оборотов для составителей словаря выражалась в определении границ и компонентного состава фразеологизмов, отграничении фразеологизма от слов окружения, установлении вариантных форм и пределов варьирования единицы, ср.: «*Из рук вон, из рук вон плохо*, очень дурно, никуда не годится, нестерпимо» [4, с. 506]; «|| **Вбить в голову, в толк*, частым повторением сделать что-либо понятным; растолковать. || *Вбить себе в голову*, упорно усвоить себе какое-нибудь мнение или намерение» [4, с. 346]; «*Надуть губы*, надуться, прогневаться. <...> *Развесить, распушить губы*, говорится о глупом выражении лица при непонимании или недоумении. <...> *Прикусить, закусить себе губу*, замолчать в замешательстве, сконфузиться» [4, с. 931]; «*Ему дуют в уши всякую всячину*, наговаривают на кого. || *Не дуть в ус* — не обращать внимания» [4, с. 1206]; «*Жить *баринном*, жить роскошно, выше своих средств. || *Сидеть *баринном*, жить праздно, избегая труда» [4, с. 115]; «*С грехом пополам*, не совсем правильно, не безошибочно, кое-как. <...> *Грех пополам*, говорят, когда две стороны оканчивают спор о платеже соглашением, чтобы каждая взяла на себя половину убытка» [4, с. 927]; «*Шуточн. Гонять собак или голубей*, шалопайничать, особ. *Слоняться по улице*» [4, с. 857]; «*Взымить кому голову*, выбранить, осыпать упреками, сделать строгий выговор» [4, с. 406] и «*Вымыть или намылить голову*, сделать выговор, пожурить» [4, с. 841]; «*Бездонная бочка*, — *кадка*. || *Простор*. Чрезмерно расточительный, насыщенный» [4, с. 137]; «*Глядеть вон*, — *в лес*, намереваться уйти, думать о перемене места или должности. <...> *Глядеть в гроб, в землю*, быть близким к смерти, по болезни или дряхлости» [4, с. 821]; «*Лицом не вышел*, некрасив. || *Ростом не вышел*, не высокого роста. *Чином не вышел*, состоит в незначительном чине» [4, с. 721]; «*Вывести на свежую, на чистую воду*, обнаружить, обличить» [4,

с. 453]; «*Бояться Бога*, иметь страх Божий. *Бога ты не боишься*, как можешь ты поступать так бессовестно? || *Побойся Бога!* Устыдись, посовестись» [4, с. 254—255]. Как видно из примеров, основной задачей, которую ставили перед собой составители словаря, было помочь пользователю, с одной стороны, разграничить сходные по форме фразеологические единицы, с другой — показать возможности варьирования компонентов фразеологизма в пределах одной единицы.

Особое внимание составители словаря уделяли описанию значений слов и устойчивых выражений. Они стремились использовать все возможные средства, чтобы максимально полно и точно описать смысл выражения, условия и речевые ситуации, в которых данное выражение используется. Основными способами объяснения значений являются толкование с определением по возможности полного перечня семантических признаков, указание на речевую ситуацию, сферу употребления, эмоционально-экспрессивную окраску, включение сведений о происхождении выражения, причем часто можно наблюдать совмещение разных способов. Например: «**Взлететь на воздух*, быть взорвану силою зажженного пороха или газа» [4, с. 403]; «**Как вкопанный*, совершенно недвижимый (от испуга, изумления и т. п.)» [4, с. 434]; «*Так и быть*, выражение согласия уступить желанию другого или подчиниться необходимости» [4, с. 308]; «|| *Печь блины*, употребл. и метафорически, в знач. Делать наскоро, небрежно. || *Первый блин комом* (погов.), говорится о неудаче при начале какого-либо труда или предприятия. || *Блином в рот лезет* (погов.), ластится, угодничает» [4, с. 211]; «*Убить *бобра* (ирон.), обмануться в ком или чем, потерпеть неудачу или, наоборот, сделать выгодную аферу» [4, с. 218]; «*Биться об заклад с кем*. В споре условиться, что тот, кто окажется правым, получит от другого назначенную заранее сумму или вещь; держать пари» [4, с. 190]; «*Под буквой закона* разумеют только его формальное содержание, независимо от истолкования настоящего смысла его. О неисполняемом законе говорят, что он *остается мертвой буквой*» [4, с. 286]; «**Б а р а б а н н а я ш к у р а*, пустая, вздорная женщина (брань в Малороссии)» [4, с. 111]; «*Бездушная тварь*, говорится о человеке в укоризненном смысле» [4, с. 137]; «*Это — одно бряцание оружием*, говорят, когда одно государство грозит другому войной только для устрашения» [4, с. 279]; «*Блезир*, а, м. (от фр. plaisir удовольствие), простон. и шуточн. *Сделать что для блезиру*, для забавы, для вида» [4, с. 206]; «*Ахинея*, и, ж. (вм. а ф и н е я, вероятно, от встречающегося в старинных памятниках выражения: *афинейская мудрость*). Ученый сумбур, вздорная речь, чепуха, бессмыслица. *Нести ахинею*, говорить нелепости. || *Да помилуйте, матушка, что вы за ахинею порете?* Зап. ох., Карат. Сравн. В акафисте Божьей Матери стих: “Радуйся, афинейския мудрости растерзающая”» [4, с. 86].

В словаре фиксируются и разграничиваются и разные значения многозначных выражений, см., например: «*У него долги руки*: а) он драчлив, забияка; б) он нечист на руку, склонен к воровству» [4, с. 1091]; «*Бить челом* (кому): а) кланяться в землю; б) *стар.* подавать просьбу или жалобу; в) приносить что-либо в дар» [4, с. 189] и др.

Составители словаря стремились дать по возможности полное описание значения и употребления устойчивых выражений с учетом специфики их в целом и каждого типа в отдельности, ср.: «*Надуть губы*, надуться, прогневаться. *Федул губы надул* (погов.) <...> *Что даром губы шлепать*, говорить пустое? *Прикусить, закусить себе губу*, замолчать в замешательстве, сконфузиться. *У него молоко на губах не обсохло*, слишком еще молод, молокосос. <...>. *Только по губам помазал*, посулил, возбудил напрасное ожидание. *Губа*

не дура (погов.), знает, что вкусно. || Слова без звука шевелились на губах. З а я ч ь я г у б а, природное раздвоение верхней губы у человека, трегубость <...>» [4, с. 931]; «Глум, а, м. Малоупотр. Шутка. Сказано на глум, а ты бери себе на ум (посл.)» [4, с. 818]; «Довлеет дневи злоба его (Ев. Матф. 6, 34) употребляется почти как поговорка; в рус. переводе безл.: Довольно для каждого дня своей заботы. Употребление гл. довлеть в смысле подобает ошибочно, наприм.: И почести, которые его Пресветлому довлеют маестату! А. Толст. Смерть Иоанн. Грозн.» [4, с. 1061]. Способы описания устойчивых выражений разных типов см. также в примерах выше. Добротность описания лексико-фразеологического материала в словаре была отмечена В. В. Виноградовым: «Академический словарь (т. I, А—Д) представляет собою выдающееся явление в истории русской лексикографии. Точностью определений, ясностью и четкостью семантических характеристик (т. е. описаний связи, последовательности и различий в значениях и оттенках), разграничением значений и фразеологических употреблений словарь Грота значительно превосходит академический словарь 1847 года» [1, с. 232].

Толковый словарь русского языка в том виде, в каком он представлен в первом томе под редакцией Я. К. Грота, при условии его завершения, был бы самым полным собранием фразеологических материалов русского литературного языка, так как в словаре нашла бы место и получила лексикографическую разработку основная — и весьма значительная — часть бытующих в общеупотребительном письменном или разговорном языке выражений. Но и первый том «Словаря русского языка» дает достаточно полное представление о составе устойчивых сочетаний русского языка, различных их типах, специфике формы и содержания, особенностях использования в письменной и устной литературной речи. В этом издании по сравнению с предыдущими академическими словарями сделан значительный шаг вперед и в разработке приемов и способов описания фразеологических выражений различных типов. Здесь же находит отражение процесс поиска оптимальных приемов лексикографического описания устойчивых сочетаний. А в процессе поиска углубляются представления о свойствах этих выражений, своеобразии их формы и содержания, что, несомненно, было важно для понимания фразеологизма как особой единицы языка. Анализ состава и способов лексикографического описания устойчивых сочетаний в первом томе «Словаря русского языка» под редакцией Я. К. Грота дает основание утверждать, что этот лексикографический труд был необходимым и важным этапом в становлении русской фразеологии и фразеологии.

Библиографический список

1. Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография : избр. тр. М. : Наука, 1977. С. 206—242.
2. История русской лексикографии. СПб. : Наука, 1998. 610 с.
3. Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1789—1794.
4. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1895. Т. 1 : А—Д. 1271 с.
5. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1847. Т. 1. 437 с. ; Т. 2. 472 с. ; Т. 3. 390 с. ; Т. 4. 488 с.
6. Хуснутдинов А. А. У истоков русской фразеологии и фразеологии // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2008. Вып. 1. С. 107—125.

РЕЦЕНЗИИ

О. М. Карпова

Рец. на кн.: **Lexicography in the 21st Century** / eds. S. Nielsen, S. Tarp. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. — 341 p.

Рецензируемая работа издана к юбилею известного европейского лексикографа Хенинга Бергенхольца, автора фундаментальных трудов в области терминографии и лексикографии. Коллективная монография продолжает ряд юбилейных сборников, посвященных теоретикам и практикам мировой лексикографии, внесшим весомый вклад в развитие теоретической и прикладной лексикографии. Особенностью книги является прежде всего новизна подходов ведущих зарубежных исследователей к решению общих и частных проблем, возникающих при составлении словарей различных типов. Среди авторов встречаются имена таких известных ученых, как Сандро Нильсен (Дания), Бо Свенсен (Швеция), Руфус Гауфс (ЮАР), Херберт Эрнст Виганд (Германия), а также учеников и коллег Х. Бергенхольца.

Коллективная монография состоит из пяти частей: «The dictionary, dictionary structures and access routes», «Dictionary functions and users», «Subject-field classification and introductions», «Data retrieval and corpus lexicography» и «Collocations and phraseology».

Часть I, посвященная описанию мега-, макро- и микроструктуры новых словарей современных языков, а также разработке стратегии поиска полезной информации в словаре, включает четыре статьи. Р. Гауфс поднимает важный вопрос о функциях словаря, на который составители справочников не всегда обращают должное внимание. Особый акцент ученый делает на анализе способов организации словника, отмечая инновационные подходы к расположению материала в словарной статье. При этом Р. Гауфс справедливо считает, что авторы словарей XXI века, учитывая накопленный в мировой лексикографии опыт, разработали новые способы представления языкового материала как в макро-, так и в микроструктуре различного рода справочников. Несмотря на тот факт, что примеры берутся из языка африкаанс (Africaanse Taal), выводы лексикографа имеют большое значение и для авторов словарей других языков (английского, французского, немецкого), поскольку предложенные им подходы являются универсальными.

С. Нильсен впервые подвергает анализу рецензии (т. е. обзоры — *reviews*) новых печатных и электронных словарей, выделяя их направленность на определенные группы пользователей (*intended audience or user groups*). В качестве пожелания он предлагает рецензентам наиболее четко очерчивать объект обзора, который в них не всегда ярко выделен. Ученый называет ре-

© Карпова О. М., 2010

цензирование словарей самостоятельной отраслью лексикографии, обозначенную в свое время Р. Р. К. Хартманном как *dictionary criticism*, с чем нельзя не согласиться.

Говоря о способах подачи различных информационных категорий в микроструктуре современных словарей, С. Тарп останавливается на способах размещения добавочной семантико-функциональной характеристики заглавного слова в словарной статье (грамматической, орфоэпической, стилистической, этимологической, статистической и т. д.), а также пытается назвать наиболее и наименее удачные способы подачи омонимов, нерегулярных грамматических форм, словосочетаний, нахождение которых представляет главную трудность для пользователя. Особое внимание автор не случайно уделяет современным электронным словарям, называя их *desired lexis lexicographical Mercedes Benzes & Rolls Royas* (с. 54).

С. Тарп проводит анализ мега-, макро- и микроструктуры новейших словарей на компакт-дисках и предлагает читателям весьма оригинальные подходы к оптимизации информационного поиска (*search strategies*; с. 54). При этом он подробно останавливается на характеристике групп пользователей и ситуациях, в которые они попадают (*types of users and types of user situations*). Автор справедливо утверждает, что именно от них и зависит скорость и эффективность получения необходимой справки. В качестве примера С. Тарп берет англо-датский и датско-английский электронные словари, в создании которых он сам принимал непосредственное участие.

В заключение С. Тарп отмечает, что не ставил перед собой задачи дать исчерпывающие ответы на рассматриваемые вопросы, а лишь поднял и заострил наиболее актуальные, связанные с применением новых информационных технологий в составлении словарей. Лексикограф отмечает необходимость учитывать требования пользователя при выборе словарей для конкретных исследовательских целей.

В статье известного немецкого лексикографа Г. Е. Виганда скрупулезно анализируются типы словарных статей, наполненных различными информационными категориями в зависимости от типа словаря, что наглядно представлено на с. 69, 76. Однако слишком сложные рисунки и схемы вряд ли привлекут пользователей, а скорее запутают их. Это «нагромождение» довольно сложных рисунков, отражающих микроструктуру различных словарей, заканчивается на с. 85—86 не менее сложной схемой, в которой показаны все нюансы формирования словарной статьи. В заключение ученый определяет перспективы изучения *hybrid structures*, требующих дальнейшего тщательного исследования.

Статья С.-Г. Мальмгрема открывает часть II монографии и основана на наблюдениях автора, проведенных на материале двуязычных словарей и Большого словаря шведского языка. Ученый поднимает важный вопрос о продуктивности информационных категорий, направленных на осуществление коммуникативных и когнитивных функций словаря. Эти категории вызывают основное затруднение у пользователей при изучении иностранных языков и далеко не всегда встречаются в микроструктуре словарей.

Подробно рассматривая проблему отражения синонимов, омонимов и словосочетаний в корпусе словаря, автор статьи предлагает новые, наиболее оптимальные способы введения этих слоев лексики в микроструктуру словарей различных типов. Однако, нередко ставя сложные задачи перед состави-

телями, он не всегда удачно разъясняет свои рекомендации. Видимо, такая ситуация связана с отсутствием примеров из словарей.

Большой интерес для читателя представляет статья П. Леройера, посвященная рассмотрению весьма привлекательной для широкого круга пользователей предметной области туризма. Подробно анализируя существующие типы справочников для туристов, он пользуется созданным им подходящим метаязыком лексикографии туризма: *tourist-oriented lexicography*, *tourist users*, *travel dictionary* и т. д. Статья содержит ценные рекомендации по разработке принципов построения справочников для современного туриста и имеет международное значение.

Следует признать, что эта работа является весьма своевременной в век глобализации и миграции населения. Попытки создания справочников, сходных с туристическими путеводителями и разговорниками, наблюдаются много лет, однако, по справедливому утверждению автора, в настоящее время требуются качественно новые справочники, принципы составления которых предлагаются в статье.

Л. Викор рассматривает современную лексикографическую картину, сложившуюся в Исландии, Норвегии, Дании, Швеции и Нидерландах. Подробно разбирая метаязык языкового планирования и лексикографии в странах Скандинавии, автор прежде всего останавливается на применении лингвистической и лексикографической терминологии. Поскольку каждая из упомянутых выше стран имеет общие языковые корни, Л. Викор, анализируя их сходства и различия, ставит вопрос о кодификации нормы в словарях литературных языков скандинавских стран, важный как для взаимопонимания, так и сохранения их национальной идентичности. Большое внимание ученый уделяет орфографическим словарям, которые выполняют важную роль в кодификации нормы и являются эталоном языкового словоупотребления. Л. Викор подробно останавливается на состоянии данного вопроса в Норвегии и Нидерландах, где сосуществуют сразу два языка (с. 130, 133). Эта статья особенно интересна читателю с точки зрения современной языковой политики и составления словарей в странах с родственными языками.

Часть III открывается статьей известного шведского лексикографа Б. Свенсена, посвященной классификации новых отраслей лексикографии, сложившихся в последнее время (с. 152). Предложенная автором классификация отличается четкостью и представляет собой ценный справочник как для теоретика, так и практического лексикографа, поскольку в нее включены не только чисто лексикографические, но и лингвистические категории. Классификация лингвистических и лексикографических терминов, разработанная Б. Свенсеном, представляется особенно актуальной, поскольку основана на анализе метаязыка специальных текстов, опубликованных в XXI в.

П. Фуэрто-Оливра посвятил статью, казалось бы, второстепенному вопросу: анализу содержания вступительной части словарей — «Introduction», который привел исследователя к справедливому выводу о том, что большинство вводных статей далеко не всегда отражают принципы составления словарей. Речь идет о *Well-developed systemic introduction*. Поэтому ученый предлагает составителям новых справочников более четко строить предисловия (front matter). П. Фуэрто-Оливра подчеркивает, что это особенно важно для специальных справочников, главным образом тех, которые описывают термины определенных предметных областей. Автор указывает на необходимость тщательного описания как самой предметной области, так и энциклопедической составляющей дефиниции термина.

Поскольку материалом для анализа П. Фуэрто-Оливеры служат словари подъязыка бизнеса (особенно востребованные современным пользователем), выводы ученого представляются весьма ценными, несмотря на то что анализ проводится на материале словарей испанского языка, который является родным языком автора данной статьи.

Часть IV посвящена корпусной лексикографии, достижения которой в XXI в. позволяют исследователям, полностью избегая фактора субъективизма, создавать словари для общих и специальных целей на основе электронных баз данных. Об этом аспекте идет речь в статье Д. Принсло, в которой автор описывает принципы составления современных словарей языков банту и африканса, изданных в Южной Африке. Однако работа Д. Принсло изобилует техническими данными и представляет интерес главным образом для специалистов в области новых информационных технологий.

В том же ключе написана статья Ф. Джиба, где рассматриваются вопросы структурирования электронного корпуса, его возможностей при создании словарей современных языков. В целом, понимая факт необъемлемости достижений корпусной лексикографии, все же отмечу, что при отсутствии специальных знаний для неспециалиста в области компьютерных технологий эта часть представляется весьма трудной для понимания.

Часть V, посвященная проблемам отбора и описания коллокаций и фразеологизмов в различных типах словарей, возвращает читателя в привычное русло лексикографических проблем. М.-К. Лёме рассматривает особенности регистрации и лексикографической разработки этих слоев лексики в специальных двуязычных словарях английского и французского языков, выделяя структуры коллокаций (с. 241), а также способы их отбора и представления в терминологическом справочнике (с. 248).

В свою очередь, И. Х. Йонсон ставит проблемы отбора и лексикографической обработки фразеологизмов на материале словарей скандинавских языков с акцентом на современные словари исландского языка. Автор подробно знакомит читателя с так называемым *Icelandic World* (с. 267), имеющим сходную структуру с другими языками. Проведенный исследователем подробный анализ синонимических отношений в исландских фразеологизмах убедительно доказывает эффективность использования выводов автора в лексикографической деятельности Исландии (*Icelandic World*).

Т. Хербст продолжает тему регистрации и описания коллокаций и фразеологизмов на материале новейших учебных словарей английского языка (см. табл. 1 на с. 283), акцентируя внимание пользователей на наборе квалификационных маркеров и валентностных характеристиках входных единиц, необходимых для всестороннего описания этих важных слоев лексики не только в английском, но и в других германских языках. В статье представлен солидный библиографический список, который включает наиболее важные статьи и монографии по данному вопросу и может служить своеобразным путеводителем для начинающего исследователя, работающего в области учебной лексикографии.

В целом коллективная монография «*Lexicography in the 21st Century*» под редакцией С. Нильсена и С. Трапа открывает новый этап в теоретических и прикладных исследованиях, которые находятся на переднем плане зарубежной лексикографии. Остается лишь сожалеть, что в содержании отсутствуют имена ведущих российских ученых.

Chr. Rubin (France)

Compte rendu de l'ouvrage: Debov V. M. Le code verlanique du rap français : (sur la créativité lexicale déviante en sociolecte des jeunes). — Ivanovo : Université d'Etat d'Ivanovo, 2008. — 224 p.

К. Рюбен (Франция)

Рец. на кн.: Дебов В. М. Верлан — код французского рэпа : (о девиантном словотворчестве в молодежном социолекте). — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. — 224 с.

Un certain nombre d'ouvrages ont abordé sous forme de dictionnaire les particularités du lexique des jeunes des banlieues françaises contemporaines, par exemple *Le Dico de la banlieue (1000 définitions pour tchatcher mortel)* de Philippe Pierre Adolphe et alii (La Sirène, 1995), *Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités* de Jean-Pierre Goudaillier (Maisonneuve et Larose, 1997) ou plus récemment un ouvrage réalisé par une dizaine de jeunes auteurs: *Lexik des cités illustré* (Fleuve noir, 2007). Celui de Valéry Debov, *Le code verlanique du rap français (sur la créativité lexicale déviante en sociolecte des jeunes)* propose une approche différente et complémentaire.

Il définit d'abord avec beaucoup de précision le champ linguistique dont il traite, dès le titre, qui indique à la fois un espace discursif (celui du «rap français»), un type de création lexicale (le verlan), le principe qui régit cette création («la créativité lexicale déviante») et le statut de cet ensemble de termes (un «sociolecte»). La notion de créativité pourrait sembler incompatible avec l'idée de repérer des constantes pour en faire un dictionnaire; mais une idée essentielle apparaît au début de l'introduction de Valéry Debov: s'il y a bien déviation par rapport à une certaine norme dans les «banlieues populaires des grandes villes de France», ces dernières sont à leur tour «devenues des lieux de production de normes culturelles bien spécifiques». En effet, si le verlan est par nature le fruit d'une création lexicale, son emploi consiste surtout à utiliser des termes déjà attestés et bien connus: de la même façon que les écrivains limitent généralement la fréquence de leurs néologismes, un rappeur mettrait en danger sa crédibilité et l'intelligibilité de ses textes s'il utilisait trop de termes nouveaux en verlan. La forme même des mots est fixée: le verlan du mot «femme» sera «meuf» mais pas «meufa» par exemple — un terme qui serait sans doute trop proche de «mifa». Dans l'interview d'Alain Rey placée en exergue du *Lexik des cités*, le lexicologue (dialoguant notamment avec le rappeur Disiz la Peste) confirme que «le verlan n'est pas du tout un procédé libre» (op. cit., p. 15) et signale que l'emploi d'un argot quelconque par un étranger est encore plus délicat pour lui que l'utilisation d'une langue standard, du fait de l'existence d'une norme de prononciation et de signification précise et en outre extrêmement fluctuante.

Un des enjeux essentiels du livre de Valéry Debov est peut-être justement de s'attaquer à des stéréotypes: celui, donc, qui consiste à considérer que ce verlan exclut toute norme ou encore l'idée d'une pauvreté langagière. Un exemple de cette vieille idée, maintes fois assenée: «Quand je vivais au milieu des loubards, beaucoup étaient d'origine étrangère et maghrébine, mais tous parlaient l'argot avec l'accent parigot,

© Rubin Chr., 2010

langue infiniment plus riche et en continuité avec le passé populaire indigène que le pauvre langage du rap» (Jean-Claude Barreau, «La France va-t-elle disparaître?» (article composé d'extraits de l'essai portant le même titre), *Le Figaro magazine*, 01/02/1997, p. 47)... Face à ce type de dogmes, l'existence même d'ouvrages, parfois écrits ou préfacés par des linguistes célèbres, constitue déjà un argument. Nous avons déjà évoqué le rôle valorisant d'Alain Rey, associé aux prestigieux dictionnaires des éditions Robert et manifestant tout son intérêt et tout son respect pour le travail des rappers; mentionnons également le fait que Jean-Pierre Goudaillier soit professeur de linguistique et doyen à la Sorbonne, et son préfacier Claude Hagège, professeur au collège de France. Pourtant, tous ces ouvrages ont plus ou moins pratiqué une sorte de mise à distance ou de cantonnement, consciemment ou non. Tous se situent en effet sur le terrain de l'humour, sans évidemment s'y limiter puisque le travail accompli est bel et bien sérieux, mais comme s'il s'agissait de trouver, grâce à cette tonalité, une caution — puisque le lecteur ne semble pas invité forcément à adhérer totalement à l'univers linguistique décrit — ou un argument de vente lié au caractère plaisant, ce qui suggère indirectement que ce type de contenu ne pourrait peut-être pas intéresser en soi un assez large public. Le choix des exemples, voire des polices de caractères, et la mise en page de la couverture vont assez nettement dans ce sens, en général. Dans le cas du *Lexik des cités*, ce sont plutôt les illustrations — d'ailleurs particulièrement inventives et intéressantes par elles-mêmes — qui renforcent cette fonction humoristique, avec sans doute ici une volonté de séduire plutôt que de mettre à distance. Un autre cantonnement fréquent pour de nombreuses études concernant le langage des banlieues ou le rap est la dimension documentaire. L'ouvrage de Valéry Debov échappe d'emblée à toutes ces mises à distance. Il s'agit bien d'une étude approfondie et qui se présente comme purement universitaire. L'introduction défend en outre le rap en tant qu'activité langagière non anecdotique, qui pourra «contribuer à métamorphoser le paysage culturel et social français». Ses ancrages sont d'ailleurs précisés dans cette même introduction: aussi bien dans l'héritage afro-américain que dans les traditions françaises de la «chanson populaire et réaliste», sans oublier une référence à Frantz Fanon pour indiquer une dimension politique.

Quant à ce qui fait l'essentiel du travail présenté dans cet ouvrage, il s'agit évidemment d'un lexique présenté par ordre alphabétique, chaque terme étant suivi d'une définition, de la prononciation et d'un commentaire sur l'origine, la formation (apocopes, resuffixations et autres redoublements hypocoristiques accompagnant la verlanisation) et l'évolution du sens, de façon extrêmement précise. La créativité apparaît ainsi très nettement à travers la complexité des phénomènes de déviation lexicale: le «reverlan», par exemple, amorce une sorte de spirale étonnante, pour des termes dont le verlan, usé, fait l'objet d'une nouvelle inversion de ses syllabes, sans toutefois revenir au mot originel. C'est le cas pour le célèbre «rebeu», verlan de «beur», qui était lui-même le verlan d'«arabe». Dans d'autres cas, diverses hypothèses sont mentionnées: par exemple pour «blème» (forme apocopée du verlan «blèmepro» ou bien simple aphérèse de «problème») et pour «caille» (avec les mêmes hypothèses). Des incertitudes apparaissent également, ainsi pour «seum». Enfin, des particularités syntaxiques ou morphologiques diverses sont indiquées, par exemple le fait que certains verbes verlanisés se conjuguent et pas d'autres.

Mais l'auteur va plus loin que ses prédécesseurs sur un certain nombre d'aspects. Si le «commentaire» linguistique est souvent plus précis, l'intérêt se trouve aussi dans l'abondance et dans la qualité des citations qui attestent chaque terme et permettent d'en saisir mieux le sens et l'usage, grâce à un contexte suffisant. Cent-

treize rappers ou groupes de rap sont ainsi cités de façon substantielle, avec référence au titre de la chanson dont chaque citation est extraite. Seule l'utilisation des textes de Fatal Bazooka (par exemple pour attester le mot «bil-dé») serait discutable, du fait de la dimension en partie parodique de l'humoriste Michael Young: s'agit-il d'un langage de seconde main, distancié — ce qui altérerait sa façon de signifier — ou bien malgré tout d'une utilisation de la langue des rappers selon leurs normes? Cette question pouvait se poser de façon plus aigüe lorsque Jean-Pierre Goudaillier citait des émissions de télévision comme les «Guignols» de la chaîne de télévision Canal + sur le même plan que des textes de rap ou des films sur la banlieue. Le corpus de Valéry Debov semble à cet égard très cohérent et très pertinent.

La fonction d'«attestation» fait d'ailleurs l'objet d'une rubrique spécifique, où sont mentionnés aussi bien les linguistes auteurs d'ouvrages sur le verlan ou sur l'argot que les rappers. Jean-Pierre Goudaillier quant à lui avait donné un rôle plus secondaire à ce type de sources, préférant s'appuyer autant que possible sur une enquête réalisée par écrit auprès de jeunes de banlieue, ce qui constituait un autre choix, les deux pouvant se justifier. Cela pose d'ailleurs une question intéressante: la créativité se situe-t-elle, à la base, du côté des rappers dont les innovations lexicales seraient ensuite reprises par les jeunes qui les écoutent ou bien les rappers se nourrissent-ils avant tout des inventions faites au quotidien par tout un chacun?

Une autre rubrique semble innovante dans le cadre de ce type de lexiques: la mention d'une «fréquence» d'emploi (variant de «mot très largement utilisé» à «mot relativement peu employé mais disponible»). Dans certains cas, une ouverture sur la diachronie ou sur une comparaison entre différents sociolectes s'esquisse. Ainsi pour «auch» («chaud» en verlan), l'auteur note que le mot est «très largement répandu», tandis que Pierre Merle le considérait comme assez peu usité par les jeunes dans son ouvrage de 1996; c'est l'inverse pour «trom».

L'auteur a ajouté pour presque tous les mots une liste de «synonymes intra-verlaniques» ou de synonymes et, enfin, des renvois à d'autres termes voisins. Tous ces termes mis en relation se situent évidemment dans le même registre argotique et relèvent tous du verlan. Il faut chercher longuement une inexactitude qui aurait échappé à la vigilance de l'auteur. A la page 93, le sens n° 2 de «merco» mériterait d'être présenté plus nettement comme n'étant pas du verlan — contrairement à son homographe et homophone dérivé de «commère», il s'agit — comme l'auteur le signale d'ailleurs — d'un simple diminutif de «Mercedes». Les autres «homonymes extra-verlaniques» sont très clairement présentés comme tels. De façon plus générale, l'ouvrage semble vraiment très proche de l'exhaustivité à l'intérieur du champ qu'a choisi l'auteur: le verlan employé par les rappers des banlieues françaises. Les autres termes argotiques sont donc logiquement écartés, par exemple ceux qui utilisent des codes chiffrés et qui sont donc emblématiques de la fonction traditionnellement reconnue de l'argot: la fonction cryptique qui permet par exemple de reconnaître dans «8—6» (cf. citation d'Expression Direkt page 33, article «chanmé») une bière de marque Bavaria caractérisée par sa haute teneur en alcool (8, 6°). Ils apparaissent tout de même parfois sous leur forme verlanisée, comme «zedou», qui a inspiré un texte à Busta Flex, cité par l'auteur, qui a pris soin de faire référence à des rappers très divers, par le style comme par l'époque. Au-delà de l'impressionnant travail lexicologique accompli, ce livre pourrait donc à la limite se parcourir comme une sorte d'anthologie d'extraits représentatifs du rap francophone.

On ne peut que souhaiter une diffusion la plus large possible pour cet ouvrage, qui constitue un outil de travail précieux, déjà très utile à certains chercheurs.

К. Г. Кацадзе

Рец. на кн.: Коржова Е. Ю. Духовная лестница Н. В. Гоголя : личность и творчество. — СПб. : Общество памяти игуменьи Таисии, 2009. — 615 с.

Исследование личности и творчества Н. В. Гоголя, исходя из его собственных суждений о процессе познания человека, с одной стороны, самый естественный подход из возможных, а с другой — настораживающий и даже сомнительный, поскольку, полностью (или почти полностью) принимая художественное творчество, критики и литературоведы относятся неоднозначно к теоретическим наработкам, практическим советам писателя. Но Е. Ю. Коржова, автор книги «Духовная лестница Н. В. Гоголя. Личность и творчество», психолог по профессии, считает невозможным оспаривать суждения писателя. Предложенный Гоголем в письме М. П. Погодину от 21 октября 1843 г. подход к оценке человека на основании главного — его лучших качеств (применительно к Гоголю — духовности) должен, по мнению согласного с писателем автора книги, определять подступы к прочим проявлениям личности. Два других, более редких подхода: интуитивное познание и духовное прозрение — в немалой степени зависят от «наличного профессионального и жизненного опыта биографа, которому в этом трудном деле остается только положиться на волю Божию» (с. 15).

Юбилейный год подразумевал выпуск многих разных по тематике и качеству книг, статей, брошюр о Гоголе: его творчестве и биографии, его окружении и местопребывании, литературных параллелях и их несостоятельности... Внимание к деталям, неизданное, переоценка отношений между писателем и его современниками, т. е. частные вопросы, могут высвечивать разные черты личности писателя, в том числе и неприглядные. В рассматриваемой книге такое принципиально невозможно. Автор твердо стоит на защите писателя, оберегая от нападок — и литературоведов прошлых лет, и современных исследователей — определяющее, по ее мнению, начало в личности и творчестве писателя — его духовность, истинную и возрастающую в течение жизни.

Название работы указывает на демонстрацию духовного пути Гоголя, которая осуществляется преимущественно в первой части книги. По мысли автора, это главное в творчестве писателя. Видимо, поэтому и наработки по основному объекту исследования — системе персонажей в творчестве Гоголя (типы которой, надо отдать должное, расположены также по возрастанию в них духовности) — занимают в книге пространство, равное по объему главам о личности писателя. Новое слово исследователя полностью перенесено во вторую часть.

Итак, структура книги предполагает сначала демонстрацию мира писателя в целом, а затем раскрытие системы персонажей с ориентацией на выявленные особенности. Первая часть («Психология личности и творчества Н. В. Гоголя») включает главы о внутреннем мире писателя, его «внешней» биографии, особенностях творчества, психологизме. Главы второй части

(«Психология литературных персонажей») уже в своих названиях несут принцип разделения героев Гоголя по «страстям» или «добродетелям»: «Ориентация на мировое зло: духовно неразборчивые», «Ориентация на материальные ценности: “приобретатели”», «Ориентация на ценность покоя: “созерцатели”», «Ориентация на ценность действия: “богатыри”», «Ориентация на самоутверждение: “возвышающие себя”», «Ориентация на другого человека: “любящие”», «Ориентация на духовные ценности: “подвижники”».

Первая часть носит избирательно-реферативный характер. Суждения самых известных исследователей творчества Гоголя подобраны в соответствии с тематикой той или иной главы, причем намеренно выбраны те, в которых подчеркивается духовная составляющая личности писателя. Как главная она постулируется им самим (переписка, «Выбранные места из переписки с друзьями»), критиками-современниками (С. Т. Аксаков и члены его семьи, П. В. Анненков, А. А. Григорьев и другие), литературоведами и философами (В. А. Воропаев, И. А. Виноградов, И. А. Ильин — главные ориентиры Е. Ю. Коржовой). Но автор просто приводит цитаты, как лишь *называет* поверхностными (без существенных доказательств) суждения критиков с иным пониманием творческого наследия Гоголя (прежде всего представителей формальной школы). Сперва это настораживает, однако во второй части книги, в анализе внешности, поведения того или иного героя, а также вех его пути, препятствий, на нем возникающих, видны попытки автора доказать свою позицию.

Но сначала нужно было отстоять возможность психологического подхода в принципе. Отказывающих Гоголю в психологизме В. В. Розанова, А. Терца, Б. М. Эйхенбаума, А. Б. Есина автор ставит по одну сторону, а по другую последовательно размещает К. В. Мочульского, С. Г. Бочарова, В. В. Зеньковского, И. А. Сикорского, Ю. В. Манна, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, И. М. Губарева и других. Мнение каждого, признающего в Гоголе психолога, раскрыто достаточно подробно, а Е. Ю. Коржова просто присоединяется к сказанному.

Обилие собранных материалов о духовности писателя, отсылки к тематике книг о Гоголе, его психологизме, о персонажах произведений вполне соответствуют адресации книги — «Для психологов и филологов, для студентов и школьников, а также для всех, кто любит Гоголя и дорожит судьбами отечественной культуры». Ориентация на просветительскую функцию, на приобщение широкого круга читателей к литературе о Гоголе, безусловно, заслуживает одобрения. К тому же автор книги поднимает важный вопрос о некоторой нецелесообразности литературных параллелей, об отнесении писателя к направлениям (литературным, общественным), к которым он по своей «христианской природе» принадлежать не мог. Возможно, подобные категорические суждения и не совсем корректны, однако ассоциативный полет мысли авторов-гоголеведов порой действительно нуждается в большей привязанности к реально существующим ориентирам. Однако и постулируемое в книге Е. Ю. Коржовой ровное не критическое отношение ко всему наследию Гоголя, уравнивающее отрывки и законченные тексты, художественные произведения и явно публицистические «Выбранные места из переписки с друзьями», при всем признании «единого пути» все-таки оставляет вопросы.

Что касается собственно разграничения персонажей Гоголя по типам согласно различным «задорам», преобладающим в героях, то оно имеет свои недостатки и достоинства. Автор обосновывает возможность типологизации

1) «символической насыщенностью персонажей, позволяющей говорить об их типичности», 2) «широким спектром психологических свойств персонажей при многообразии их оттенков», 3) «единым направлением развития творчества» (стадии – этапы становления личности «с принятой Гоголем системой ценностей»), 4) обилием образов в «Мертвых душах», «позволяющим ориентироваться на гоголевские принципы выделения типов» (с. 155). Особым способом сгруппированные персонажи дают возможность Е. Ю. Коржовой сделать выводы об основных опасностях, изначальных и исходящих из социума, страхах Гоголя за Россию и русских, его прогнозах. Выраженные таким образом, они становятся более наглядными, осязаемыми.

Любая типология условна, и наложение одного типа на другой, в принципе, явление закономерное. Собственно, сомнительно только то, что автор не оговаривает вероятность соотнесения персонажа и с другим типом. Возможно, с такими параллелями типология носила бы более объемный характер. Обильное цитирование текста порой может быть оправдано только желанием привить читателям стремление вернуться к гоголевским произведениям, перечитать их с других позиций.

Вера в единство пути и цели писателя, защита любого его слова — основа книги. Новое в познании Гоголя здесь не главное, и поэтому другим отдается право оценивать, только ли к типу «любящие» относятся Товстогубы, Андрей, Пискарев и Пирогов, Петух, Сторченко и его гость, зять Ноздрева Мижухев (и только ли они к этому типу относятся), а также целесообразно ли ставить в один ряд с героями художественных произведений образ автора в его духовной прозе. Главное, что повествование идет от любящего Гоголя автора — любящим его читателям. Е. Ю. Коржову можно назвать последователем стремлений Гоголя, а не объективным критиком многогранности им сказанного.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В течение последних десяти лет кафедра английской филологии, возглавляемая доктором филологических наук, профессором О. М. Карповой, и Ивановская ассоциация преподавателей английского языка IVELTA проводят совместно с Офисом английского языка Посольства США в Москве научно-методические семинары по профессиональному развитию «ELT Professional Development» для преподавателей английского языка г. Иванова и Ивановской области.

Создание Ивановской ассоциации преподавателей английского языка было инициировано кафедрой английской филологии и лично О. М. Карповой в 2005 г. при активном содействии ведущего специалиста Офиса английского языка Е. Н. Лубниной. В январе 2009 г. IVELTA (официальный сайт организации — www.ivelta.ivanovo.ac.ru) была официально зарегистрирована в качестве коллективного члена Национальной ассоциации преподавателей английского языка. Основной ее целью является создание условий для профессионального роста учителей английского языка и продвижение инновационных проектов и программ в области англоязычного образования.

Участие в научно-методических семинарах позволяет учителям за короткий срок ознакомиться с разнообразием методических идей и принять активное участие в мастер-классах. Изучение зарубежного опыта дает возможность отслеживать новейшие тенденции в методике преподавания иностранных языков, быть в курсе современных методов и приемов организации общения на уроках английского языка. Привлечение аутентичных материалов, отбор которых точно соответствует интересам преподавателей, — отличный стимул для участия в семинаре. Использование интерактивных форм работы с аудиторией (ролевых игр, кейсов и др.) способствует повышению уровня коммуникативной компетенции. В ходе семинаров развивается умение учителей видеть связь между языком и культурой страны изучаемого языка, что является необходимым условием формирования социокультурной компетенции преподавателя.

Американские коллеги прекрасно владеют техникой публичных выступлений, риторическими приемами и языком жестов. Они успешно ведут диалог с аудиторией, вовлекают слушателей в активные формы работы, в результате чего происходит погружение человека в естественную языковую среду. Это положительно сказывается на повышении уровня владения иностранным языком как средством общения. В этих условиях у слушателей формируется творческая компетенция, позволяющая использовать языковые средства в различных контекстах, спонтанно и на продуктивном уровне.

По окончании каждого семинара как свидетельство профессионального роста преподаватели получают сертификат, а в качестве подарков замечательные дидактические материалы, наглядные пособия и журнал по методике обучения иностранным языкам «*English Teaching Forum*».

Благодаря сотрудничеству с Посольством США при факультете романо-германской филологии создан Американский ресурсный центр, который позволяет школьным и вузовским преподавателям английского языка использовать в учебном процессе различные аутентичные средства, включая аудио- и видеоматериалы и мультимедийные средства. Так, одними из последних приобретений ресурсного центра стали учебные пособия «*Internet for English Teaching*», «*Creative Classroom Activities*», «*Portrait of the USA*», «*Discover America*» и некоторые другие. Центр располагает коллекцией видео- и DVD-фильмов, снятых по произведениям известных американских авторов («*Gone with the Wind*», «*The Crucible*», «*The Crossing*», «*Born on the Fourth of July*»). Особой гордостью стал комплект видеофильмов «*The American President / A Film Series / PBS Home Video*» о жизни и деятельности наиболее выдающихся американских президентов.

3 декабря 2009 г. в читальном зале ИвГУ состоялся очередной, четырнадцатый по счету, научно-методический семинар, собравший более 130 участников — учителей школ областного центра и районов, вузовских преподавателей, студентов факультета романо-германской филологии. Гостем Иванова стал старший научный сотрудник Офиса английского языка, магистр гуманитарных наук (МА) Джон Марк Кинг, представивший вниманию аудитории две презентации: «*Culture: to Teach or Not to Teach?*» и «*Written Corrective Feedback: How to Respond to Student Writing*».

Преподавая культуру страны изучаемого языка, многие учителя фокусируют внимание студентов исключительно на изучении истории, традиций, обычаев и ценностных ориентаций народа. Д. М. Кинг популярно объясняет, почему подобный подход явно недостаточен для подготовки студентов, изучающих английский как иностранный, к будущему успешному общению с носителями языка. Обучающиеся должны четко осознавать, что люди вступают в общение, обладая определенным набором ожиданий, во многом обусловленных их происхождением и окружением. В ходе семинара раскрываются понятия индивидуального пространства, зрительного контакта, репутации, почтения и другие, а также приводятся примеры некоторых видов практической деятельности, направленных на развитие у студентов навыков межкультурной коммуникации.

Вторая презентация, посвященная различным способам оценки и комментирования письменных работ студентов, вызвала живую дискуссию участников семинара. Способы оценивания письменных работ, по мнению автора, играют важную роль в дальнейшем стимулировании обучающихся к выполнению творческих заданий письменного характера. Г-н Кинг привел примеры некоторых методов корректирования и комментирования студенческих работ, применяемых в курсах академического письма в американских университетах и колледжах.

Учителя школ выразили огромную благодарность за организацию и тематику семинара, подчеркнув необходимость проведения подобных встреч, способствующих профессиональному росту преподавателей и представляющих интересную лингвистическую информацию и дидактический материал.

На май намечен очередной семинар. Надеемся, он соберет большое количество участников, искренне заинтересованных в совершенствовании уровня профессионального мастерства учителя.

Выражаем благодарность Офису английского языка в лице г-на Д. Фэя и Е. Н. Лубниной за поддержку профессионального становления преподавателей иностранного языка в ивановском регионе.

Е. А. Шилова,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ КАФЕДРЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В январе 2010 года исполнилось пять лет со дня создания на базе кафедры зарубежной литературы научно-образовательного центра «Художественное слово в пространстве культуры». В состав центра, наряду с опытными преподавателями кафедры, входят аспиранты и студенты (всего около 25 человек). Центр занимается не только общими проблемами зарубежной литературы, но и проблемами трансмедийности (отв. — д-р филол. наук, проф. Ю. Л. Цветков), античной филологии (отв. — канд. филол. наук, доц. Л. А. Самуткина), компаративистики (отв. — канд. филол. наук П. В. Николаева).

Традиционно большое внимание уделяется работе по воспитанию научной смены. Отрадно, что в этом году достижения кафедры в данном направлении получили всероссийское признание. Дипломная работа Н. Ю. Георгиевой «Тема двойничества в романе Чака Паланика “Бойцовский клуб”» (руководитель — д-р филол. наук О. Ю. Анцыферова) была отмечена медалью «За лучшую научную студенческую работу» по итогам открытого конкурса на лучшую работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах Российской Федерации. Аспирантка кафедры М. Н. Павлова (руководитель — д-р филол. наук О. Ю. Анцыферова) получила президентскую стипендию, а также выиграла грант ИвГУ на разработку научной темы «Воздействие институализации естественных наук в США на генезис романтической эстетики Эдгара По». В конце 2009 года М. Н. Павлова начала работать по государственному контракту в рамках программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009/2013» по теме «Наука как социальный институт в качестве объекта художественно-философского осмысления» (работа финансируется за счет средств федерального бюджета).

В декабре 2009 года коллективом кафедры (по идее и сценарию П. В. Николаевой) был проведен тематический вечер, посвященный 250-летию Роберта Бернса. Присутствующие заслушали доклад о творчестве великого шотландского поэта, подготовленный студенткой второго курса РГФ Л. Умалатовой. Студенты читали стихи Бернса на языке оригинала и в русских переводах.

Были подведены итоги конкурса на лучшую студенческую научно-исследовательскую работу по сравнительному анализу русских переводов баллады Р. Бернса «Джон Ячменное зерно» (в том числе С. Я. Маршака и К. Д. Бальмонта). Первое место разделили К. Кочеткова и Н. Сапожникова,

студентки факультета РГФ, на втором месте — аспирантка кафедры зарубежной литературы Е. Воронина, на третьем — К. Шаронина, студентка филологического факультета. Главным призом победительницам конкурса станет возможность опубликовать свои исследования в научном альманахе «Золотые нити», издаваемом Центром по изучению творчества К. Бальмонта.

Вполне уместным и ожидаемым стало присутствие на празднике в качестве гостя ивановского исследователя, долгое время работавшего в Центре по изучению творчества К. Бальмонта при ИвГУ, одного из составителей лучшей библиографии бальмонтовских исследований А. Ю. Романова. От него присутствующие много узнали о творчестве Бальмонта и получили возможность почувствовать гордость за земляка, переводившего Бернса.

Викторина, посвященная творчеству юбиляра, не только погрузила участников в мир шотландской поэзии, но и помогла отработать на свежем поэтическом материале научный литературоведческий инструментарий. На первом этапе участникам предстояло определить жанр стихов Бернса: ода, эпиграмма, эпитафия, баллада... На следующем этапе требовалось выявить стилистические фигуры, использованные поэтом. Финальное задание оказалось одновременно самым занимательным и успешным для участников: необходимо было восстановить разбитое на отдельные строки стихотворение «Финдлей». Это явилось настоящим творческим сотрудничеством с Робертом Бернсом! Жюри конкурса возглавил декан факультета РГФ А. Н. Таганов.

Новогодняя песня «Auld Lang Syne» на стихи Бернса стала красивой кодой встречи, которая не только продемонстрировала трепетное отношение к его поэзии, но и стала определенным этапом в приобщении студентов ИвГУ к научно-исследовательской деятельности — этапом, сочетающим игровое начало с вполне серьезными научными наработками.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ КАФЕДРЫ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИИ

- 28—31 мая канд. филол. наук, доцент Р. И. Бабаева принимала участие в VIII ежегодной Международной конференции «Языки в современном мире», организованной Национальным обществом прикладной лингвистики, факультетом иностранных языков и регионоведения МГУ и Коломенским государственным педагогическим институтом.
- В июне канд. филол. наук, старший преподаватель О. Е. Аверина в рамках стипендиальной программы Института им. Гете г. Фрайбурга (ФРГ) приняла участие в работе Международного научно-методического семинара «Studienbegleitender Deutschunterricht», посвященного проблемам преподавания немецкого языка студентам неязыковых факультетов.
- 1 июля — 31 декабря аспирантка кафедры немецкой филологии Н. П. Илюшина находилась на научной стажировке при кафедре немецкого языкознания, руководимой профессором Р. Гарнишем, в университете г. Пассау (ФРГ). Стажировка осуществлена в рамках программы DAAD «Научно-исследовательские стипендии для аспирантов и молодых ученых».
- 15 сентября — 14 декабря канд. филол. наук, доцент М. В. Ополовникова находилась на научно-исследовательской стажировке в университете г. Пассау (совместная стипендиальная программа DAAD и Министерства образования РФ «Иммануил Кант»), разрабатывая тему научного исследо-

вания «Метафора как средство выражения мнения и оценки в немецких печатных СМИ».

- 25 сентября решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования РФ канд. филол. наук, доценту кафедры немецкой филологии ИвГУ Р. И. Бабаевой присуждена ученая степень доктора филологических наук. Защита диссертации на тему «Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект)» состоялась в декабре 2008 г. в Московском педагогическом государственном университете. С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Российской государственной библиотеке.
- С сентября по апрель старший преподаватель О. Е. Аверина участвовала в работе Международного научно-методического семинара «Sicherer Deutsch Unterrichten» в Институте им. Гете г. Москвы. Семинар посвящен формированию способности учащихся к межкультурной коммуникации в профессиональной области.
- С октября по ноябрь старший преподаватель О. Е. Аверина находилась на научно-исследовательской стажировке в Техническом университете г. Берлина. Ее цель — изучение актуальных тенденций в методике преподавания немецкого языка для специальных целей. Стажировка осуществлена на основании стипендии DAAD.
- 9—13 ноября д-р филол. наук, профессор Р. И. Бабаева принимала участие в Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони, которая состоялась в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.
- 13 ноября канд. филол. наук, доцент Н. Д. Миловская и аспиранты П. А. Бородёнков и С. И. Москалёва приняли участие в Международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в глобальном мире», которая состоялась во Владимирском государственном университете.
- 19—21 ноября канд. филол. наук, доцент И. В. Кокурина и канд. филол. наук, доцент Н. Ю. Хорецкая выступили с докладами на Международной научной конференции «Парадигмы в языке, литературе и науке», которая состоялась в Тамбове в рамках VII съезда Российского союза германистов на базе Института иностранных языков Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.
- 22 декабря в диссертационном совете ДМ212.062.06 при ИвГУ состоялась защита кандидатской диссертации аспиранта кафедры немецкой филологии П. А. Бородёнкова. Работа выполнена на тему «Маркеры аргументации в обиходном дискурсе (на материале незнаменательной лексики немецкого языка)» под руководством д-ра филол. наук, профессора Р. И. Бабаевой. Диссертационное исследование посвящено активно изучаемым на кафедре немецкой филологии дискурсивно-прагматическим и семантико-прагматическим аспектам функционирования лексики немецкого языка. Члены диссертационного совета высоко оценили работу соискателя, особо указав на практическую значимость результатов исследования, а именно на возможность и необходимость их применения в учебном процессе.
- 26 февраля на кафедре немецкой филологии состоялось утверждение темы докторской диссертации канд. филол. наук, доцента Н. Д. Миловской «Семантика и прагматика немецкого языкового бытового анекдота».

АННОТАЦИИ

О. Ю. Анцыферова

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ РОМАН: ПАРАДОКСЫ ЖАНРОВОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Рассматриваются жанровые определения, даваемые отечественными литературоведами роману Д. Лоджа «Хорошая работа». Анализ вскрывает внутреннюю противоречивость и смысловую неопределенность жанровых дефиниций. Истоки этого видятся автору статьи в различии научных парадигм, лежащих в основе русскоязычной и англоязычной жанровых таксономий.

Ключевые слова: Дэвид Лодж, британский университетский роман, производственный роман, индустриальный роман, рабочий роман.

П. В. Николаева

СТЕРНИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА»

Рассматривается вопрос о близости художественных миров Л. Стерна и Н. В. Гоголя, выясняются возможные причины их сходства (влияние Стерна на Гоголя, как прямое, так и через русскую литературу начала XIX века, типологическое сходство их смеха, который «печальнее слез»). Наблюдения подтверждаются сравнительным анализом повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Ключевые слова: стернианская традиция, сравнительный анализ, воздействие, восприятие.

К. М. Денисов

КОМПОНЕНТЫ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья продолжает серию публикаций, посвященных описанию просодической терминосистемы английского языка, формирующей идею языкового явления интонации. Автором выбран контекстный подход к представлению основных компонентов, составляющих базовые понятия и концепты суперсегментной подсистемы фонологических противопоставлений и их речевых реализаций. Даны толкование и экзemplификация некоторых новых концептов, синтезирующих взаимодействие основных единиц просодического арсенала звучащей речи.

Ключевые слова: просодические характеристики, интонационные функции, интонационное значение, тонораздел, тонакцент, тон, информационная картина высказывания, коммуникативный фон.

Н. Г. Лаврентьева

**АКЦЕНТНЫЕ МОДЕЛИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ:
НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ (На материале подъязыка экономики)**

Рассматривается проблема нормы и вариативности акцентных моделей английских сложных терминов подъязыка экономики. Выявлены акцентные типы сложных двухкомпонентных терминов, а также основные направления их варьирования в норме. Излагаются результаты эксперимента по определению основных отклонений от нормативного произношения в сложных терминах подъязыка экономики.

Ключевые слова: словесное ударение, акцентная модель, сложное слово, нормативное произношение, вариативность.

С. А. Маник

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
МИКРОСТРУКТУРЫ ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ**

Статья посвящена проблеме лексикографического регистрирования общественно-политической лексики в предлагаемой модели переводного англо-русского словаря.

Ключевые слова: микроструктура, общественно-политическая лексика, переводной словарь, принципы лексикографирования общественно-политической лексики.

Н. Д. Миловская

**СМЕХОВОЙ АНТИМИР ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВЕСНОЙ ИГРЫ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ БЫТОВОМ АНЕКДОТЕ**

Показывается, что в немецких языковых бытовых анекдотах (Wortwitz) об эпохе социализма словесная игра является востребованным инструментом карнавального воплощения самых разнообразных социальных реалий. Обыгрывающая семантическую двуплановость опорной лексемы анекдота, она побуждает реципиента к декодированию его содержательной ребусности. Автор доказывает, что смеховую реакцию реципиента сопровождает при этом удовольствие семиотической природы.

Ключевые слова: языковой бытовой анекдот, словесная игра, карнавальный антимир, семантическая двуплановость, лингвокреативный эксперимент.

Т. А. Таганова

**НОВЕЙШИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ОБЪЕКТ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Рассматриваются новейшие русизмы, появляющиеся в английской прессе и справочной литературе. Оцениваются новые тенденции в регистра-

ции заимствованной лексики словарями современного английского языка различных типов.

Ключевые слова: ксеноним, заимствование, постперестроечное время, русизм, словарное издание, словарь.

А. А. Хуснутдинов

**ОПИСАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ
В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Я. К. ГРОТА
(Том I, А—Д, 1895)**

Рассматриваются способы лексикографического описания устойчивых выражений в первом томе «Словаря русского языка», в котором фразеологический материал впервые в отечественной академической лексикографии получает всестороннюю и подробную характеристику.

Ключевые слова: лексикография, фразеология, фразеография, академические словари.

SUMMARIES

O. Yu. Antsyferova

ACADEMIC NOVEL: PARADOXES OF GENRE TAXONOMY

Genre definitions given by literary scholars of this country to «Nice Work» by David Lodge are analyzed with the focus on obvious discrepancies between English and Russian genre taxonomies which make the definitions indeterminate and contradictory.

Key words: David Lodge, British campus novel, varsity novel, industrial novel, working-class novel.

P. V. Nikolaeva

STERN'S TRADITION IN GOGOL'S STORY «IVAN FYODOROVICH SHPONKA AND HIS AUNT»

The article deals with the question of resemblance between L. Stern's and N. V. Gogol's works. The author tries to ascertain the possible reasons of this resemblance (Stern's influence on Gogol, typological similarity of both writer's humour which is «sadder than tears»). Comparative analysis of Stern's novel «The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman» and Gogol's story «Ivan Fyodorovich Shponka and His Aunt» proves Gogol's perception of Stern's tradition.

Key words: Stern's tradition, comparative analysis, influence, perception.

K. M. Denisov

COMPONENTS OF THE PROSODIC TERMINOLOGICAL SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE

The article continues the row of publications devoted to the description of the prosodic terminological system of the English language forming the notion of intonation. The author of the article takes a contextual approach towards the presentation of the general components, forming basic notions and concepts of the suprasegmental subsystem of phonological oppositions and their speech realizations. Here go interpretations and examples of some new concepts, synthesizing the interplay of main prosodic units in sound speech.

Key words: prosodic features, intonation functions, intonation meaning, tonality, tonicity, tone, utterance information picture, communicative background.

N. G. Lavrentyeva

ACCENTUAL PATTERNS OF SPECIAL TERMINOLOGY: NORM AND VARIETY (On the material of the language of economics)

The article deals with the problem of variety of accentual patterns of English compound terms in the language of economics. As a result of phonetic experiment accentual types of double component compound terms and the main directions of

their variety in the standard pronunciation were distinguished. To find out the main difficulties in putting word stress in this group of terms by Russian bilingual learners of English a special research was undertaken which showed the main deviations of the standard pronunciation of compound terms of economics. The results of this research are also presented in the article.

Key words: word stress, accentual pattern, compound word, standard pronunciation, variety.

S. A. Manik

ON SOME PECULIARITIES OF MICROSTRUCTURE OF BILINGUAL SOCIO-POLITICAL VOCABULARY DICTIONARY

The article is devoted to the principles of the lexicographic registration of the socio-political lexis in a suggested bilingual (English-Russian) dictionary project.

Key words: microstructure, socio-political lexis, bilingual dictionary, lexicographic description of socio-political lexis.

N. D. Milowskaja

COMIC ANTI-WORLD OF THE SOCIALISM EPOCH THROUGH THE PRISM OF WORDPLAY IN GERMAN LANGUAGE HABITUAL ANECDOTE

It is shown in the article that in German language habitual anecdotes (Wortwitz) of the Socialism epoch wordplay is a necessary instrument of creating reflection of various socialistic features. Playing with the ambiguity of the core component of the anecdote, the wordplay is aimed at making the recipient decode its puzzling nature. The author proves that the recipient's laughter is accompanied by satisfaction of semiotic character.

Key words: language habitual anecdote, wordplay, grotesque anti-world, semantic ambiguity, lingvocreative experiment.

T. A. Taganova

CONTEMPORARY RUSSIAN LOAN WORDS AS AN OBJECT OF THE ENGLISH LANGUAGE LEXICOGRAPHY

The article deals with contemporary Russian loan words that are appearing in the English language press and reference books. The new tendencies of lexicographic description of such lexemes in the English language dictionaries are considered.

Key words: xenonym, loan word, postperestroika epoch, Russism, reference book, dictionary.

A. A. Khusnutdinov

DESCRIPTION OF SET PHRASES IN «THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE» EDITED BY J. K. GROOT (Vol. I, A—Д, 1895)

The article deals with lexicographic description of the phrases in the first volume of «The Dictionary of the Russian Language» where the phraseology is described for the first time in home academic lexicography.

Key words: lexicography, phraseology, phraseography, academic dictionaries.

Сведения об авторах

- АНЦЫФЕРОВА** доктор филологических наук,
Ольга Юрьевна заведующая кафедрой зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
E-mail: olga_antsyf@mail.ru
- ДЕНИСОВ** кандидат филологических наук, доцент кафедры
Константин Михайлович английской филологии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: bondin5@yahoo.com
- ЛАВРЕНТЬЕВА** кандидат филологических наук,
Наталья Геннадьевна доцент кафедры английского языка,
Ивановский государственный университет.
E-mail: engl.natalya@mail.ru
- МАНИК** кандидат филологических наук, доцент кафедры
Светлана Андреевна английской филологии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: Svetlana_manik@yahoo.com
- МИЛОВСКАЯ** кандидат филологических наук, доцент,
Наталья Дмитриевна заведующая кафедрой немецкой филологии,
Ивановский государственный университет.
E-mail: milnatdm@jandex.ru
- НИКОЛАЕВА** кандидат филологических наук, старший
Полина Владимировна преподаватель кафедры зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
E-mail: polina_19803@mail.ru
- ТАГАНОВА** кандидат филологических наук,
Татьяна Александровна доцент кафедры английского языка,
Ивановский государственный университет.
E-mail: ttaganova@mail.ru
- ХУСНУТДИНОВ** доктор филологических наук, профессор,
Арсен Александрович заведующий кафедрой современного русского
языка и методики преподавания,
Ивановский государственный университет.
E-mail: arsen1418@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 1. Филология

Подписано в печать 30.03.2010 г. Формат 70 × 108¹/₁₆.
Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 6,7. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (0932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru